



ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

Александр Деревянчук

ЗАПИСКИ ВОЙСКОВОГО ХИМИКА

✧ К 80-летию Великой Победы ✧



МРОО «СИКНАКС»



*Когда мы в памяти своей
проходим прошлую дорогу,
тогда все чувства прежних дней
мы вспоминаем понемногу.*

Н. П. Огарев



А. П. Деревянчук, 1942 г.

Межрегиональная общественная организация
«Сохранение историко-культурного наследия
Крыма и Севастополя»

Министерство науки и образования Российской Федерации
Российская академия наук
Дальневосточное отделение
Институт химии

*Светлой памяти
Юрия Владимировича Гагаринского,
дорогого и верного друга
в военные и мирные годы, посвящаю*

Александр Деревянчук

ЗАПИСКИ ВОЙСКОВОГО ХИМИКА

К 80-летию Великой Победы

Севастополь – Владивосток
2025

УДК 929

ББК 68.49(2Рос)23; 63.3(2)622

Д 36

Деревянчук А. П.

Д 36 Записки войскового химика / сост. Т. Ю. Бутенко ; ред. Г. Ф. Низяева ; Институт химии ДВО РАН ; МРОО «Сохранение историко-культурного наследия Крыма и Севастополя». — Севастополь : ИК ИПТС, 2025. — 116 с. : ил.

ISBN 978-5-6051824-7-4

В книге представлена повесть-воспоминания участника Великой Отечественной войны, войскового химика Александра Павловича Деревянчука, который выступает под именем капитана Александра Жарука. Остальные персонажи действуют под своими именами. Речь идет о роли химической службы в войне, о военных химиках. Автор считает большой удачей встречу с незаурядным, как он пишет, человеком, инженером-майором Юрием Владимировичем Гагаринским, ставшим впоследствии его близким другом. Противостояние с врагом, материальная часть химвойск, учения, военный быт, взаимоотношения военачальников и подчиненных, точные зарисовки характеров самых разных людей, рассуждения о жизни – все это, написанное простым языком, вызывает неподдельный интерес, тем более что о химических войсках вообще известно очень мало. Памяти своего лучшего друга Ю. В. Гагаринского А. П. Деревянчук и посвятил эту повесть.

Для всех, кто интересуется историей Великой Отечественной войны в лицах и участвует в сохранении памяти ее героических участников.

Проект реализуется при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

Архивные материалы подготовлены внуком А. П. Деревянчука – М. В. Глуховым и Институтом химии ДВО РАН.

ISBN 978-5-6051824-7-4

© ИХ ДВО РАН, 2025

© МРОО «СИКНАКС», 2025

© Деревянчук А. П., 2025

© Кныш К. С., художник, 2025



ПРЕДИСЛОВИЕ

Неумолимое время все дальше уносит от нас события Великой Отечественной войны. Уходят ветераны и участники войны. Их потомки бережно хранят награды, письма, фотографии, личные вещи... Они помогают сохранить память о героическом прошлом родных, сохранить связь времен. Особую ценность представляют и воспоминания, написанные самими участниками войны.

Эта книга написана человеком, всю войну служившим в химических войсках Западного, Калининского и 1-го Прибалтийского фронтов и продолжившим службу в Северо-Восточном, Дальневосточном и Белорусском военных округах до 1961 года. Прототипом главного героя «Записок войскового химика», Александра Жарука, стал автор рукописи Александр Павлович Деревянчук, представивший свои воспоминания в форме художественной повести. Его герои, сослуживцы, военачальники, офицеры и солдаты – реальные люди в реальной обстановке войны. О химических войсках известно не так много, о них не снимали фильмы, не писали книги, поэтому эти записки особенно интересны и познавательны.

Повесть посвящена памяти друга А. П. Деревянчука Юрия Владимировича Гагаринского. В ней описаны первые четыре дня их знакомства, переросшего в крепкую мужскую дружбу, которая продолжалась до ухода из жизни Ю. В. Гагаринского в 1976 году. После войны Ю. В. Гагаринский посвятил себя науке, стал известным ученым, физико-химиком, специалистом в области химии и технологии урана, полония, трития и других радиоактивных элементов, был участником атомного проекта, стал членом-корреспондентом АН СССР, организовал и почти пять лет руководил Институтом химии Дальневосточного научного центра АН СССР (сейчас Институт химии Дальневосточного отделения РАН (ИХ ДВО РАН)).

Инициатором издания книги стал председатель Межрегиональной общественной организации «Сохранение историко-культурного наследия Крыма и Севастополя» Сергей Игоревич Настюшкин, которому рукопись А. П. Деревянчука передал его внук Максим Викторович Глухов. С. И. Настюшкин обратился с предложением о сотрудничестве в издании рукописи к директору ИХ ДВО РАН члену-корреспонденту РАН Сергею Васильевичу Гнеденкову. Инициатива была с благодарностью поддержана. Институт химии предоставил свои архивные материалы и фотографии.

Подготовить рукопись к печати помогла редактор Галина Филипповна Низяева, за что ей огромная благодарность.

Очень символично, что «Записки войскового химика», дополненные статьей Ю. В. Гагаринского «Роль химической службы Советской армии в Великой отечественной войне» (Дальневосточный ученый, 1975, № 19 (71)) появились в свете в преддверии 80-летия Великой Победы (9 мая 2025 г.) и 110-летия со дня рождения Ю. В. Гагаринского (1 марта 2025 г.). Возможно, для кого-то они станут открытием малоизвестной стороны войны. Те, кто знал Ю. В. Гагаринского только в послевоенные годы как ученого и организатора науки, увидят в книге авторитетного и уважаемого военного начальника, офицера Советской армии, добросовестно исполнявшего свой долг по защите Родины, ставшего примером для автора книги. В приложении также опубликована статья вдовы Ю. В. Гагаринского Светланы Антоновны Полищук под названием «Неформальная биография», в ней читатель познакомится с биографией Ю. В. Гагаринского. Биография А. П. Деревянчука и небольшая фотогалерея позволят лучше узнать героев книги, взглядеться в прекрасные лица достойных людей своего времени.

Все, кто работал над этой книгой, главные персонажи которой являются примером беззаветного и преданного служения Родине и в военное, и в мирное время, убеждены, что она будет содействовать увековечению памяти ветеранов войны Александра Павловича Деревянчука, Юрия Владимировича Гагаринского и их однополчан.

*Татьяна Юрьевна Бутенко,
главный специалист по международным связям
Института химии ДВО РАН*



АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ДЕРЕВЯНЧУК (16.01.1921 – 3.03.1993)

Александр Павлович Деревянчук, родился в 1921 г. в селе Малая Терновка Винницкой области Украинской ССР. После окончания десятилетней школы поступил в Калининское военное училище, которое окончил в июне 1941 г. и сразу же был направлен на службу в армию в химические войска.



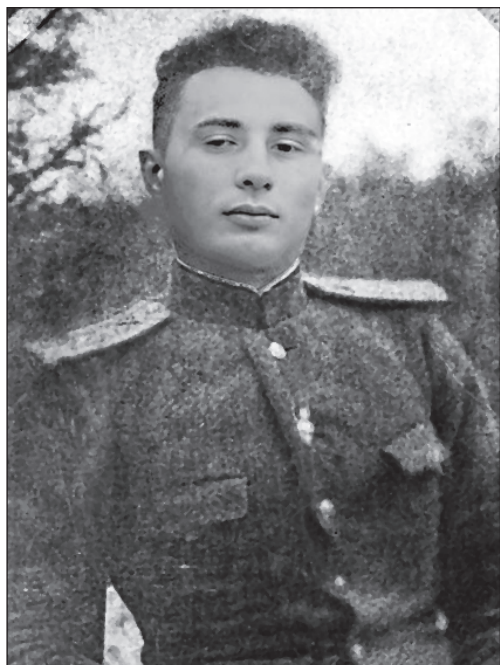
Выпуск лейтенантов Калининского военного училища.

А. П. Деревянчук – верхнее фото справа. 15 июня 1941 г.

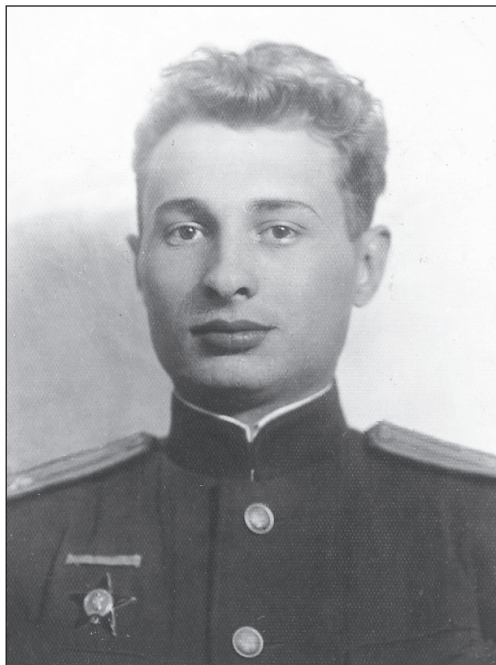
В живых осталось 4 человека

Воевал на Западном, Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах. Был ранен в конце 1941 г. Войну окончил в звании майора.

После войны Александр Павлович продолжил службу сначала в Северо-Кавказском военном округе, потом в Дальневосточном военном округе (в бухте Провидения) и в Белорусском военном округе.



Начальник химслужбы 306 сд
майор А. П. Деревянчук.
1943-1944 гг.



Майор А. П. Деревянчук. 1945 г.



Помощник коменданта гарнизона бухты Провидения майор
А. П. Деревянчук на прогулке. 1950 г.



Супруги М. Н. и А. П.
Деревянчук. 1946 г.



А. П. Деревянчук с сыном
Анатолием. Г. Черновцы, 1975 г.



Семейное фото. Слева направо сидят М. Н. Деревянчук,
внук Максим Глухов, А. П. Деревянчук; стоят зять В. А. Глухов,
дочь Л. А. Глухова. Г. Черновцы, 1986 г.

В 1946 г. А. П. Деревянчук женился на Кушнир Марии Николаевне.

В 1947 г. у них родился сын Анатолий (врач невропатолог, умер в 2022 г). В 1958 г. родилась дочь Людмила (в замужестве Глухова) (учитель физкультуры, в данное время на пенсии). Два внука: Глухов Максим Викторович (род. в 1984) в настоящее время моряк дальнего плавания, проживает в г. Севастополе; Деревянчук Александр Анатольевич (род. в 1976 г.) работает логистом в транспортной компании, с женой и сыном проживает в Московской области.

Демобилизовался в 1961 г. в звании подполковника с правом ношения военной формы. Награжден двумя орденами Красной звезды, медалью «За боевые заслуги» и другими медалями.

С 1961 по 1969 г. семья Александра Павловича (жена, сын и дочь) проживали в Новосибирске. Александр Павлович работал заместителем директора по административно-хозяйственному управлению Института неорганической химии Сибирского отделения АН СССР, помощником начальника отделения РВК г. Новосибирска, комендантом общежития студентов Новосибирского университета. В 1969 г. Александр Павлович с семьей переехал в г. Черновцы УССР, где работал инспектором облздравотдела по автотранспорту Черновицкой области. В 1985 г. вышел на пенсию по возрасту.

Похоронен А. П. Деревянчук в г. Черновцы.



ЗАПИСКИ ВОЙСКОВОГО ХИМИКА

*Когда мы в памяти своей
проходим прошлую дорогу,
тогда все чувства прежних дней
мы вспоминаем понемногу.*

Н. П. Огарев

Первая встреча

Пятый день капитан Жарук ждал приказа о новом назначении. Все эти дни, оставаясь командиром 151-й отдельной роты химической защиты 145-й стрелковой дивизии, он многое передумал.

Этой ротой ему довелось командовать на фронте год, и он привык и как-то сроднился с людьми. Он формировал роту и многое сделал для её боеспособности: добился полного укомплектования людьми, конским составом, специальной техникой и автотранспортом, сколотил боевые расчёты и каждую свободную минуту отдавал повышению уровня специальной подготовки личного состава и дальнейшему развитию рационализаторской мысли в роте.

При формировании 145-й стрелковой дивизии в Балахне, под Горьким, из 500 человек, поступивших на пополнение из тюрем в декабре 1941 года, лейтенанту Жаруку удалось лично отобрать для своей роты каждого солдата и сержанта. В результате рота была укомплектована замечательными, живыми и интересными людьми. В роте было своё хозяйство, присвоенный войсковой номер и печать. Это было отдельное специальное подразделение дивизии, отдельная воинская часть специального назначения. Командовать таким подразделением было интересно.

Теперь капитана Жарука ожидали новые обязанности. Неизвестные...



Капитан
А. П. Деревянчук.
Февраль 1942 г.

Приказ поступил из штаба 43-й Армии в час ночи. Будучи давно готовым к отъезду, капитан решил ехать через два часа.

Его ординарец Алексей Михайлов, крепко сбитый, расторопный и очень подвижный солдат, готовил коня и укладывал в санки вещи и провизию. В роту Алексей попал при личном отборе капитаном Жаруком пополнения из 500 человек, поступивших из мест заключения. Отбывал срок Михайлов за убийство милиционера.

Предстояло около восьмидесяти километров пути вдоль фронта ночью...

Сводный армейский батальон химической защиты, в состав которого входила и 151-я отдельная рота химической защиты, был временной единицей, собранной из двенадцати дивизий 43-й Армии на учебные сборы. Дислоцировался батальон в лесу около деревни Большой Клин Смоленской области, на левом фланге Армии, и имел задачу не допустить проникновения противника в тыл Армии, так как левее, к югу, из-за непроходимых болот и больших лесных массивов сплошного фронта не было.

В Большом Клину, кроме батальона, размещались две бригады смоленских партизан, которые поочерёдно на неделю-полторы через этот заболоченный лес уходили в тыл к немцам на разведку и диверсии.

К назначенному времени всё было готово, и капитан Жарук вышел из землянки. Чистое небо, густо усеянное звёздами, очень светлая полная луна, окаймлённая оранжевым кругом, искрили снег и предвещали усиление морозов. Стоял суровый декабрь 1942 года. Было около -40°C , от мороза слипались веки, под ногами скрипел снег. Конь, запряжённый в санки, серый в яблоках орловский рысак, по кличке Соловей, подарок партизан, чуя дорогу, нетерпеливо переступал ноги на ногу, звенел удилами и передними копытами бил по снежному насту.

С линии фронта доносилась ружейно-пулемётная стрельба, изредка стонал тяжёлый орудийный гул.

Убедившись, что Алексей взял мешок с книгами, одеяло, чтобы покрыть на привале горячего коня, и оружие, Жарук приказал отправляться, санки резко заскрипели полозьями и тронулись. Вскоре выехали на опушку леса, и к санкам подбежал старшина роты Савин и доложил:

– Товарищ капитан, рота выстроилась в полном составе, хочет проститься.

Было это неожиданно приятно и вместе с тем сложно. В этот год работы в тяжёлых фронтовых условиях капитан Жарук неизменно сочетал высокую требовательность со справедливостью и отеческой заботой о солдате. Люди понимали это и высоко ценили своего командира роты, платили ему преданностью и любовью. Жарук знал и всегда чувствовал доброе отношение к нему роты, и это было приятно. Сложность же была в том, что капитана Жарука выдвинули на командование этим армейским сводным батальоном как одного из лучших офицеров роты. Но из-за ревностной заботы о солдате в ущерб интересам начальства он был отстранен от командования батальоном и теперь направлялся в стрелковый полк начальником химической службы.

Солдаты об этом знали от ординарца. На место Жарука командовать батальоном назначался капитан Кузьменков, бывший комиссар 151-й отдельной роты химической защиты, которого солдаты не любили.

В этом была сложность. Роте надо было что-то сказать...

– Товарищи, – начал негромко Жарук, – мы прослужили с вами год на фронте. На войне это большое время. Мы сдружились, и, конечно, мне жаль расставаться с вами. Но я прошу вас понять, что вы служите не мне или комиссару Кузьменкову, а служите Родине, и долг каждого из нас отдать для Родины все, что он может в тяжкую годину фашистского нашествия. Служите нашей Родине всегда, где бы вы ни оказались, честно, добросовестно, с полной отдачей сил и умения, а если понадобится, то и жизни! С вами мы будем переписываться. Адрес я вам пришлю и прошу писать нам с Алексеем обо всем. Желаю вам всего хорошего.

Пожав каждому руку, капитан приказал старшине развести роту по землянкам. На душе было тяжело. Угнетала несправедливость. Короткое прощание с солдатами растревожило душу.

«Почему такая несправедливость? За что полковник Марков, начальник химических войск 43-й Армии, отстранил меня от должности? – думал капитан Жарук под жёсткое поскрипывание полозьев. – Что меня ждёт впереди? Смерть? А может быть, подвиг? И то и другое может быть... Но ясно одно: будет новый коллектив офицеров, труд и опасности. Опасности – понятно, а над чем трудиться? Что такое начальник химической службы полка? В чём его обязанности? Что собой представляет инженер-майор Гагаринский – начальник химической службы 145-й стрелковой дивизии, будущий мой начальник?

Если это будет такой же придурок, каким был капитан Карпов, предшественник Гагаринского, что тогда делать?»

Въехали в деревню Большой Клин, вернее, в сожжённые и разваленные груды домов. Два месяца назад эта деревня насчитывала 200 с лишним дворов, раскинувшихся буквой «Т» по берегу ручья Клинок. В ней размещались две бригады партизан и армейский сводный батальон. После подхода всех 12 рот химической защиты от 12 дивизий в батальон приехал начальник химических войск 43-й Армии полковник Марков и, ознакомившись с дислокацией партизанских бригад и батальона в деревне, приказал командиру батальона капитану Жаруку передислоцироваться в ближний лес. Срок 15 суток. И уехал, приняв на дорогу чайный стакан водки.

Осмотревшись и оценив обстановку, Жарук собрал командиров рот и поставил задачу перебраться в лес на третий день, к 15 часам. Капитан В. С. Кузьменков возражал против такой поспешности, но Жарук объяснил ему, что в деревне большое количество народа. С партизанами и жителями будет до 5000 человек, плюс 1000 человек батальона – это опасно. Кузьменков успокоился.

На третий день к указанному сроку все командиры рот доложили Жаруку о выполнении приказа, а через час немцы прилетели бомбить деревню. И жители, и партизаны понесли тяжелые потери. Из батальона не пострадал никто...

Принятое Жаруком решение спасло батальон. Полковник Марков был в восторге и изрядно выпил.

Всю ночь батальон работал в деревне, оказывая помощь партизанам и жителям, эвакуируя раненых. Из-под обломков была извлечена Аня, дочь хозяйки, у которой были на квартире Жарук и Кузьменков. Аня была приветливая и жизнерадостная девушка лет двадцати. Взрывной волной её контузило и присыпало обломками. В медсанбат отправили в тяжёлом состоянии.

Вид сожжённой деревни со зловеще торчащими печными трубами, недавно такой шумной и оживлённой, одинокие опавшие деревья, как немые свидетели недавнего вражеского разгула, как бесменные сторожа – представляли гнетущее зрелище и, проезжая около Аниного двора, капитан вздохнул...

«Где она теперь?.. И будет ли опять такой же весёлой и жизнерадостной после перенесённого потрясения?... Как убивалась её мать, вместе ли они?..»

Разбитую и сожжённую деревню вскоре оставили и партизаны. За оказанную помощь в эвакуации раненых и разные другие добрососедские проявления, при расставании партизаны подарили капитану Жаруку коня, который сейчас пугливо косился на черные печные трубы и осторожно обходил воронки.

Проехали мост через ручей за деревней и выбрались на открытое поле. Ярко светила луна. Конь шёл резво, его чёрная грива покрылась инеем, и весь он стал совсем белым. Тёмной стеной справа тянулся к северу лес. Алексей сидел на передке и правил конём.

Жарук продолжал думать: «Полковник Марков несправедливый, ожиревший боров и пьяница. Сменивший меня капитан Кузьменков хитрый и коварный тип, всегда напоминавший мне заседателя Шабашкина из Пушкинского «Дубровского», капитан Карпов, бывший начальник химической службы 145-й стрелковой дивизии, – суетливый болтун и ничтожный шакал, вдобавок малограмотный... А есть ли вообще хорошие, порядочные люди на этой Земле? Очевидно, есть! Полковник Михайлус – начальник химвойск 31-й Армии, у которого я в августе и сентябре был временно помощником по снабжению, – хороший человек. Затем Михайлуса перевели на повышение – начальником химвойск Южного фронта. Он достоин повышения. А полковник Новосёлов – начальник химвойск 4-й Ударной Армии, в состав которой мы раньше входили, – отличный человек. Да... Но это люди на высоких постах... А внизу? Большинство солдат и сержантов моей бывшей роты хорошие ребята. Но почему, когда из сержантов я продвинул в командиры взвода Балахничева с присвоением ему звания «лейтенант», он вскоре зазнался, к солдатам стал проявлять жестокость и высокомерие? Я пожалел об этом выдвижении и затем откомандировал его из роты. Значит, человека можно познать, когда дашь ему власть, так получается? Да, конечно!»

Начинало светать. Разноцветные ракеты, которыми немцы непрерывно освещали линию обороны, бледнели и становились всё менее заметны. Теперь близость переднего края обороны можно было определить только по ружейно-пулеметной перестрелке. Звёздный небесный хоровод все больше таял, но Луна светила по-прежнему, ярко. Светало, клонило ко сну, и Жарук вскоре задремал.

Проснулся от толчка санок о какой-то пенек и зычного голоса Алексея: «Тпру... Соловей!». Въезжали во двор.

Это была деревня Артюхи Велижского района на Смоленщине, в которой находился 1-й эшелон управления 145-й стрелковой дивизии 43-й Армии. Чтобы не будить своего капитана, Алексей сам отыскал избу начальника химической службы дивизии, и вот теперь въезжали во двор.

Солнце поднялось уже высоко над горизонтом, и его лучи ослепительно искрили снег. Над Артюхами в долине стоял холодный утренний туман. На линии обороны шла оживлённая ружейно-пулеметная стрельба, особенно на правом фланге дивизии.

Пока Алексей укрывал коня, Жарук вошел в избу и представился начальнику химической службы дивизии инженер-майору Гагаринскому:

– Товарищ инженер-майор, капитан Жарук прибыл в Ваше распоряжение для прохождения дальнейшей воинской службы в должности начальника химической службы 599-го стрелкового полка.

Из-за стола поднялся офицер небольшого роста, худощавый, с петлицами майора, с очень выразительными умными глазами и, подавая руку, сказал просто:

– Юрий Владимирович. Будем знакомы. Много о вас слышал и рад видеть.

– Завтракали? – тут же спросил он Жарука, – если нет, давайте перекусим, я тоже еще не завтракал.

Его солдаты – ординарец Пушкаревич, белорус, лет 35 и метеоролог Гольцфарб – неряшливо одетый, мешковатый человек лет 45, пока Жарук докладывал, стояли и с гордостью взирали на своего начальника. В их позах была видна непринуждённость.

Раскрыли банку американской свиной тушёнки, очистили сухую колбасу, солдаты принесли горячий картофель,



Инженер-майор
Ю. В. Гагаринский. 1942 г.

чай. А когда Алексей внес и открыл баночку маринованных огурцов, Юрий Владимирович просиял:

– Вот это да, сразу видно из запасов бывшего командира части. Как оказалось позже, он очень любил всякие овощные соленья.

Был он сугубо штатским человеком, но к строевым подтянутым кадровым военным относился с уважением. Как оказалось позднее, очень деятельный и целеустремленный, он обладал обширным багажом знаний, незаурядным природным умом и живым воображением. Не терпел лжи, не выносил рвачей и безответственных болтунов. Сам был очень честный и правдивый. Любил дисциплину и порядок, но в душе был демократичным и действовал в основном убеждением.

Сила убеждения у Юрия Владимировича была колоссальная: мог переубедить даже тупых и ограниченных военных, старших или равных с ним по служебному положению. Его ясный взгляд, открытое и приветливое лицо, светящийся в глазах ум остепеняли самого оголтелого солдафона.

К подчинённым Юрий Владимирович был требовательный и дело химической службы дивизии твёрдой рукой направлял по нужному руслу.

Чтобы провести в жизнь какое-либо мероприятие, подчинённый должен был доказать целесообразность такого мероприятия, и разрешение получал только при наличии убедительной мотивировки.

Для того чтобы решать с ним что-то, надо было основательно думать. Его всегдашнее: «А почему вы так думаете?» – доводило начальника химической службы 403-го стрелкового полка капитана Абрамова подчас до полной растерянности.

Позже, когда Жарук узнал Гагаринского ближе, был поражён его кипучей энергией и неиссякаемой работоспособностью.

Юрий Владимирович глубоко презирал подхалимов и превыше всего ценил искренность.

Простота в обращении, личное обаяние, доверие к людям, гуманность, бесстрашие в опасностях, незаурядный ум, железная логика убеждения, осмотрительность в делах и глубокое оперативное мышление – делали этого человека мудрым. Все это Жарук узнал после.

А пока, за завтраком, шел неторопливый разговор о делах в дивизии, в 599-м полку, химическую службу которого Гагаринский

должен был официально сдать Жаруку, как вновь вступившему в должность после него офицеру.

Говорили о боях под Сталинградом, об окружённой там крупной группировке немцев и о новостях на других фронтах.

Успехи под Сталинградом воодушевляли и поднимали настроение.

Когда перевели разговор опять на 599-й полк, Жарук без стеснения просто спросил Гагаринского:

– Правду говоря, я не представляю чётко обязанностей начальника химической службы полка и просил бы вас ознакомить меня с ними пока теоретически.

Такая откровенность, очевидно, понравилась Юрию Владимировичу, и он с улыбкой ответил:

– Да, конечно, я введу вас в курс дела и прежде всего, капитан, скажу, что весь ваш блестящий вид с начищенными сапогами, в полку потеряется – придется ходить по окопам и землянкам.



Генерал-майор Ф. А. Волков (1898-1954). Фото из Википедии

Жарук тоже изобразил некое подобие улыбки и ответил коротко:

– Не потеряется.

– Ну, тогда поехали в полк. Или вас, может быть, представить командиру дивизии?

– Как вы считаете необходимым, товарищ инженер-майор.

– Тогда поедem к командиру дивизии...

Командир дивизии генерал-майор Волков Федор Андреевич, невысокого роста, плотный, лет 50, со стриженной под машинку головой, щёткой усов и круглым лицом, ходил, позванивая шпорами, по жарко натопленной комнате. Капитана Жарука он помнил еще с Балахны, где формировалась 145-я стрелковая дивизия. И симпатизировал ему.

– За что сняли с батальона? – спросил Волков Жарука, пристально глядя ему в лицо. Гагаринский стоял рядом и с интересом наблюдал.

– Да так, пустое, товарищ генерал, не поладил с высоким химическим начальством.

– Ну, это бывает. Ничего, послужишь в полку, приобретёшь опыт, ты ещё молодой. Кто остался командовать батальоном? Капитан Кузьменков?

– Да, Кузьменков.

– Но Кузьменков на батальоне может накуролесить, так же как тогда на роте, помнишь?

Командир дивизии вспомнил, как 145-я стрелковая дивизия, после формирования, была выгружена на станции Кувшиново Калининской области в февральские морозы 1942 года и совершила своим ходом марш по маршруту Селижарово, Андреаполь, Торопец, Старая Торопа, Ильино, Кресты, Велиж. Всего около 500 км.

Командовавший тогда 151-й отдельной ротой химической защиты лейтенант Жарук заболел и лёг в военный госпиталь в г. Торопонец, оставив за себя младшего лейтенанта Горохова, штатного своего заместителя, которого комиссар Кузьменков, как старший по званию, незаконно подчинил себе.

Спустя 15 дней, после выздоровления, лейтенант Жарук догнал роту и дивизию, но Горохова в ней уже не было. Он был осуждён военным трибуналом за организованное мародёрство. Увели корову у крестьянина и употребили в роте на мясо. Но, будучи ловким и хитрым, Кузьменков вывернулся, свалив всю вину на Горохова, как на исполняющего обязанности командира роты.

Капитан Жарук был глубоко убеждён, что Кузьменков на батальоне обязательно зарвётся, но, чтобы не усложнять разговор с генералом разными прогнозами, доложил:

– Помню, товарищ генерал, но, думаю, выводы из этого случая Кузьменков сделал.

– Ладно, посмотрим. С чего думаешь начинать в полку? – спросил Волков.

– С просьбы начальника химслужбы дивизии помочь мне войти в круг обязанностей, с которыми встречусь впервые.

– Правильно, – и, обращаясь к Юрию Владимировичу, командир дивизии предложил ему поработать с этой целью 3-4 дня в 599-м полку.

На этом представление у командира дивизии окончилось. Они вышли. Было уже за полдень. Яркое светило солнце, и далеко виднелись деревни на нашей стороне и находящиеся у противника.

Не заходя в домик Юрия Владимировича, решили ехать в полк. Путь через деревни Шептухи, Зелёный луг, Староселье, Прудки до деревни Чёрная грязь, где находился командный пункт полка, всего около 12 км.

Соловей, после короткого отдыха и корма, шел ходкой рысью, будто и не было 80-километрового ночного пути.

Жарук и Гагаринский сидели на заднем сидении санок, плотно прижатые друг к другу. Алексей на передке управлял конем.

Юрий Владимирович обратил внимание на коня.

– У вас очень красивый конь, капитан, в полку найдутся охотники из начальства отнять его у вас.

Ординарец нервно заерзал на передке, но промолчал.

– Кроме этого коня, подаренного партизанами, у меня ничего нет в этом мире, товарищ инженер-майор. Коня придется отстоять как-то, возможно даже с оружием в руках.

– Я думаю, на первых порах коня бы спрятать в ампуломётном взводе или, если хотите, в сводной химроте, – после небольшой паузы предложил Юрий Владимирович.

– Это верно, благодарю вас за совет, возможно, воспользуюсь, а что такое ампуломётный взвод, какова его организация и назначение?

– Взвод этот имеет шесть ампуломётов для поджога танков противника, или деревянных строений. Стреляет стеклянными шарами с горючей самовоспламеняющейся жидкостью на расстояние 100–150 метров. Калибр ствола 28 см. Расчёт 2 человека. Во взводе имеется три повозки и шесть лошадей для транспортировки ампуломётов. Командует взводом лейтенант Рудит. Дислоцируется пока в деревне Староселье, которая виднеется вон там, на нашем пути.

– Никогда не слышал о таком оружии.

– Это понятно, ампуломётный взвод организован всего месяц назад, а сами ампуломёты только две недели как поступили.

– Вы их уже испытывали?

– Испытывали, и нельзя сказать, чтобы это оружие было удачным: ампулы о деревянные строения не разбиваются, а поражать танк противника на расстоянии 100–150 м я считаю делом



Ампуломет. Фото из открытых источников*

мало реальным. – заключил Юрий Владимирович. – За эти 4 дня мы их испытаем ещё раз вместе. Да, расскажите, капитан, подробно, что у вас произошло в батальоне, за что конкретно вас сняли?

После небольшой паузы, как бы собираясь с мыслями, Жарук рассказал, как было дело.

«В конце октября сводный батальон из деревни Большой Клин передислоцировался в лес, а через неделю было закончено строительство землянок и учебно-хозяйственной базы. Еще через неделю в батальон приехал полковник Марков и привез с собою 5 офицеров химотдела во главе с подполковником Михеевым, которого я помню по Калининскому военному училищу, был преподавателем в первом батальоне училища.

После ужина, под сильным градусом, Марков уехал к себе в штаб Армии, оставив этих офицеров, как он выразился, мне в помощь для организации боевой подготовки.

* <https://dobro-est.com/novosti/ognemetnyi-ampylomet-zabytoe-oryjie-velikoi-otechestvennoi-voiny.html>

В конце ноября мой заместитель по снабжению осторожно и со смущением доложил мне, что офицеры химотдела не сдают продаттестаты и требуют двойную порцию водки и дефицитные продукты: мясные консервы, колбасу, сахар, масло.

Я решил сначала, что это недоразумение, и дал указание заместителю напомнить офицерам химотдела сдать продаттестаты.

Где-то через неделю мой заместитель по снабжению опять докладывает, что всё остается по-прежнему, продаттестаты они не сдают, выругали его, и представляет мне рапорт об освобождении его от обязанностей заместителя по снабжению. Добавил также, что на батальонном продскладе образовалась большая недостача продуктов.

Я вынужден был посетить подполковника Михеева и как старшему группы доложить ему об этом.

Выслушав мой доклад, Михеев нагло заявил:

– Какой же Вы командир такого большого хозяйства, если не можете решить такой пустячный вопрос?

– А зачем я должен решать этот пустячный вопрос, ради чего? Кто мне дал право урезать солдату паёк?

– Вы много на себя берете, капитан! Как старший офицер химотдела, я доложу полковнику товарищу Маркову о вашем неуважении к офицерам отдела и попрошу его сделать соответствующие оргвыводы.

На это я ответил Михееву, что он может докладывать, что ему угодно, но, если через 10 дней не будет продаттестатов, вынужден буду отдать распоряжение снять офицеров химотдела с довольствия. И ушел из землянки.

На следующий день назначил ревизию продсклада, рассказал заместителю по снабжению, откуда и как покрыть недостачу продуктов, и, зная, что с этим шутки плохи, взял всё продснабжение под свой личный контроль, усилив эту службу ещё одним офицером. Через 10 дней всю имеющуюся недостачу продуктов выровнял и в связи с тем, что офицеры химотдела и не думали сдавать продаттестаты, приказал снять их с довольствия. На следующий день все они уехали. Это был скандал. Надо сказать, что всем этим ловко воспользовался мой комиссар капитан Кузьменков, который все эти дни перебранки был постоянным гостем у подполковника Михеева и его офицеров.

В 20-х числах декабря приехал полковник Марков один, остановился в землянке Михеева и вызвал нас с Кузьменковым к себе. Не подавая руки и не приглашая сесть, спросил меня:

– Кого вы предлагаете оставить командиром батальона вместо себя? Поняв намерение Маркова и не собираясь перед ним гнутьяся, я ответил грубо:

– Капитана Кузьменкова. Он предаст интересы людей батальона и будет лизать задницу вам и вашим офицерам!

– Вы, капитан, не имеете права оскорблять офицера старше вас по годам в два раза!

– Очень сожалею, что вам противопоказана правда. Однако кандидатура Кузьменкова более чем подходящая для командира вашего батальона.

Марков минуты три молчал, о чём-то думая... Затем приказал мне идти пока в 151-ю отдельную роту и ждать приказа. Вот коротко и всё. Можно ещё добавить, что по случаю нового назначения Кузьменков с Марковым изрядно поддали, и Маркова хватил приступ печени. Вызвали из соседней дивизии врача, и медсестра до утра ставила Маркову грелки».

– Да, очень интересно всё это, капитан, – заключил Юрий Владимирович, – за резкие слова они вам, очевидно, будут мстить...

Ну, вот и ваш ампуломётный взвод.

Они ехали по деревне Староселье. До командного пункта 599-го стрелкового полка оставалось километра два. Оставив коня и Алексея во взводе, Гагаринский и Жарук решили дальше пройти пешком.

Первый день в полку

Командный пункт полка находился в деревне Чёрная Грязь в землянке. Этой деревни совсем не было на местности, не осталось даже признаков. Была лишь надпись на указателе: д. Чёрная Грязь.

Противник только что закончил очередной артиллерийско-миномётный обстрел командного пункта, и во многих местах чернели ещё свежие неглубокие воронки. Несколько солдат исправляли повреждённую связь, и, пригибаясь, бегали посыльные.

Вечерело... Косые лучи заходящего солнца кровавили снег и ярко освещали в небе немецкий самолёт-разведчик Фокке-Вульф.

С переднего края обороны резко доносилась лихорадочная пере-стрелка. Время от времени рывками батальонные миномёты. По немецкому разведчику наши зенитчики вели огонь, слышны были в небе глухие разрывы зенитных снарядов и видны около самолёта облачка дыма от разрывов, но Фокке-Вульф спокойно продолжал свой небесный путь. Наши зенитчики тогда редко попадали в цель.

Около землянки командира полка нас остановил часовой, но, узнав начальника химзащиты дивизии, приветствовал «по-ефрейторски».

Командир полка подполковник Назаров, невысокого роста, плотный полнеющий мужчина лет 50, встал из-за стола и приветливо поздоровался с Юрием Владимировичем. Затем, после представления, пожал руку капитану Жаруку и пригласил обоих сесть.

В углу светилась времянка и уютно потрескивали дрова. В землянке было жарко.

– Что нового в верхах? – спросил командир полка Гагаринского, назвав его по имени и отчеству, что свидетельствовало о большом уважении к бывшему своему подчинённому.

– Особого ничего нет, все пока по-старому, товарищ полковник, вот прибыла моя замена.

– Откуда к нам? – спросил Назаров Жарука, и на его лице самопроизвольно мелькнул нервный тик.

– Я, собственно, из этой же дивизии, отдельной ротой химзащиты командовал.

– Что окончили?

– Окончил Калининское военное училище химических войск, за 7 дней до войны.

– Это хорошо, – заметил Назаров, бегло скользнув взглядом на аккуратно сшитое и плотно подогнанное обмундирование Жарука. – Значит, вы кадровый?

– Калининское военное училище – хорошее училище, я там проходил переподготовку, – добавил Юрий Владимирович.

– Ну, а начальником химической службы в войсках раньше работали? – спросил опять Назаров.

– Нет, пока не работал.

– Ничего, научитесь, Юрий Владимирович введет вас в круг обязанностей, наследие он оставляет хорошее, думаю, что он не забудет свой полк и окажет вам и всем нам помощь. Надолго к нам? – обратился он опять к Гагаринскому.

– Буду дня четыре. Когда введу капитана в курс дела и закончу официальную передачу службы, мы доложим вам.

– Хорошо, буду ждать, – и, видя, что Юрий Владимирович встал, чтобы проститься, поднялся сам, пожал руку обоим и вышел с ними из землянки.

– Что-то тихо сегодня немцы ведут себя, – сказал он.

– Да, очевидно холодно им, греются в землянках, – ответил Юрий Владимирович.

Темнело... До Староселья шли ускоренным шагом. Заканчивался день 30 декабря 1942 года. «Завтра встреча Нового года», – подумал Жарук.

– Ну, как вам командир полка показался? – спросил Юрий Владимирович, когда вышли в поле.

– Пока сказать трудно, впечатление, в общем-то, положительное, если не самодур – работаем.

– Он человек неглупый и неплохой, но имеет один недостаток: очень боится начальства, просто до полной растерянности, даже начинает заикаться. В царской армии он был подпоручиком, видимо, это оттуда у него.

– А в бою вам не приходилось его видеть?

– Приходилось. Ведёт себя спокойно и отдаёт нужные распоряжения, только нервный тик на лице чаще работает.

Было уже совсем темно, когда они подошли к деревне и своему дому.

Командир взвода лейтенант Рудит встретил Гагаринского и доложил ему как старшему начальнику о состоянии взвода и затем представился капитану Жаруку.

От командира взвода сильно разило водкой, и весь он был больше похож на колхозного конюха, чем на лейтенанта. Замусоленный полушубок, несколько оторванных крючков, стоптанные валенки, без ремня, из-под измятой шапки-ушанки, лихо сдвинутой на затылок, торчали жирные, немые пряди волос. «Наверное, и солдаты во взводе такие», – подумал Жарук.

Это же бросилось в глаза начальнику химической службы дивизии.

– Приведите себя в порядок, лейтенант Рудит, и после ужина, в 21:00, соберите взвод на совещание! – распорядился он.

В домике их ожидал Алексей с ужином. Он доложил Жаруку, что конь устроен хорошо и что эта деревня Староселье

редко когда обстреливается немцами, поэтому переночевать можно в избе, а не в землянке.

– Лейтенант Рудит, в общем-то, скороспелый офицер, – продолжал свою мысль Юрий Владимирович, – после шестимесячных курсов младших лейтенантов. Но вся беда в том, что любит выпить. Сам из местных жителей, из деревни Селезни, километров двадцать отсюда. А взвод неплохой, люди в возрасте 30–38 лет, серьёзные, исполнительные.

В 21:00, как и было приказано, взвод был собран в соседнем домике, в бывшей избе-читальне. Тяжёлый солдатский запах пота и махорочного перегара вместе с запахом пищи ударил в лицо, как только они переступили порог. Лейтенант Рудит подал команду «Смирно!» и доложил майору Гагаринскому о том, что ампуломётный взвод в количестве 18 человек собран на строевое совещание по его приказанию. Приняв доклад, Юрий Владимирович разрешил садиться и как-то осторожно, но решительно направился к столу. За ним капитан Жарук и лейтенант Рудит.

Солдаты знали Гагаринского и, как было видно по их оживленным и повеселевшим лицам, уважали его. Но молодого, подтянутого и несколько щеголеватого капитана рассматривали с любопытством.

– Товарищи, – начал Юрий Владимирович, четко и отдельно произнося каждое слово, – сегодня я представляю вам нового начальника химической службы полка капитана Жарука, который до этого командовал 151-й отдельной ротой химической защиты нашей дивизии. Капитан окончил в прошлом году полный курс Калининского военного училища химвойск, и, я думаю, у вас теперь будет меньше недостатков, чем было при мне.

Затем Юрий Владимирович отметил ряд недостатков в хозяйстве взвода, в содержании материальной части оружия и химического имущества и предоставил слово Жаруку.

– Я коротко, – начал Жарук. – Если, работая в полку, мне удастся добиться хотя бы частично тех успехов в поднятии авторитета нашей службы, которых достиг инженер-майор Гагаринский, буду считать свою задачу выполненной. Но для этого потребуются не только мои, но и ваши усилия. Залогом успеха любого дела является прежде всего дисциплина и высокая организованность. На этом, будем считать, наше знакомство состоялось, и если начальник химической службы дивизии не возражает, то, думаю, будет целесообразным заслушать нескольких солдат и сержантов о наболевших вопросах

во взводе, о недостатках. Можно также подавать жалобы, если есть, как это предусмотрено уставом при смене руководства.

Лица солдат были разные: суровые, ожесточённые войной, непреклонные, но внимательные. Были добрые и покорные судьбе. На них было написано: «Нагружай – повезу». Были и безразличные, с бессмысленным выражением, не одухотворённые.

Слово взял сержант Каргин, лет 30 и, дополняя свои слова жестами, сказал:

– Наш взвод всего месяц как сформирован. На фронте это большой срок, но как правильно сказал наш новый начальник товарищ капитан, залогом всякого дела является дисциплина и организованность. А что у нас? Отношение к сбережению оружия и материальной части ампуломётов нерадивое, строевая подтянутость и воинская опрятность никакая, приказания выполняются медленно и нечётко, имеются случаи пререканий со старшими, например рядовой Букин. Будто не воинское подразделение, а колхоз!

Сержант говорил долго и по-деловому. Его слушали внимательно. Юрий Владимирович посматривал на него с одобрением. Затем выступили ещё три человека, и Юрий Владимирович коротко подвел итог.

Все, что говорили на совещании, во многих случаях касалось недоработок командира взвода, его низкой требовательности прежде всего к себе, плохой заботы о людях, а также о технике и хозяйстве взвода. Совещание длилось часа полтора, после чего Гагаринский разрешил вести людей по своим местам и готовиться к показу ампуломётного оружия и стрельбам на следующий день.

Над деревней опустилась длинная декабрьская фронтовая ночь. На небе ярко светила луна. Мороз забивал дыхание. С переднего края обороны доносилась редкая ружейно-пулемётная перестрелка, и непрерывно светились ракеты.

– Ну, как вам взвод? – спросил Юрий Владимирович, когда подходили к своему домику.

– Взвод обычный, фронтовой, люди в основном хорошие, вот командир только, по-моему, не совсем на уровне.

– Это верно, – уже в комнате, ответил Юрий Владимирович. – Его, по-видимому, придется заменить, главное, пьёт. А как вы относитесь к водке, капитан? – спросил он.

– Да так...в общем-то отрицательно, горькая она и неприятная на вкус, – ответил Жарук, но завтра, очевидно, придется немного выпить в 24 часа. Новый год.

– Да, Новый 1943-й год... Что-то он нам всем принесет.

– Алексей, – обратился Жарук к ординарцу, – завтра будем встречать Новый год здесь, в этой хате с майором Гагаринским. Больше никого не будет. Ты сможешь что-нибудь доброе сготовить нам?

– Так точно, товарищ капитан, – отвечал Михайлов, – смогу. Поджарю вам картошки, и ещё есть одна баночка огурцов.

Легли на полу, на раскинутых тулупах, и Юрий Владимирович тут же уснул. Жарук не спал ещё долго, анализируя впечатления дня. Немцы начали обстрел деревни. Слышно было, как из четырех орудий противника вылетали снаряды, затем через 5-6 секунд с воем проносились над деревней и недалеко разрывались. Иногда не долетали. Обстрел длился минут 30, и вдруг ярко осветились окна. Алексей вышел посмотреть, что произошло, и, вернувшись, сообщил, что горит третий от нас дом. На это Юрий Владимирович сказал сквозь сон, что до нас далеко и можно ещё поспать. Гагаринский явно начинал нравиться Жаруку. Вскоре все уснули...

Проснулись рано, до рассвета, Алексей начал разжигать дрова в печи и готовить завтрак, а Жарук вышел во двор посмотреть коня. Соловей уютно похрюпывал сено и, почуяв хозяина, приветливо тихо заржал, изогнув свою лебединую шею и тыкая мордой по карманам Жарука в надежде на сахар. Жарук дал ему пару кусочков рафинада и ласково похлопал по шее.

В сарае, где стоял конь, было тепло, и это успокоило капитана. Ещё раз погладив гриву Соловья, Жарук пошел в избу. Начинало светать. Домик, подожжённый с вечера, за ночь сгорел совсем и теперь чернел на снегу большим пятном. Торчала только печная труба. Соседние постройки не загорелись, так как было безветренно. На переднем крае шла перестрелка.

– Ну, что там на дворе? – вытираясь после умывания, спросил Юрий Владимирович.

– Да, вроде, все в норме, только мороз усилился, очень уж холодно.

– Да, нельзя сказать, чтобы было особенно жарко, даже в нашей комнате. Как вы насчет бритья?

– Сейчас подогреется вода в чайнике, и можно побриться, – вмешался Алексей.

– Хорошо.

Жарук внес в комнату большой таз снега и занялся обтиранием. Гагаринский посмотрел на это мероприятие с удивлением

и одобрением, но принять участие отказался. После завтрака оба они ушли из деревни.

Лейтенант Рудит доложил Гагаринскому, и стрельбы начались. Через два часа стало совершенно очевидно, что это оружие никуда не годится: стеклянные ампулы, наполненные самовоспламеняющейся горючей жидкостью, о деревянные строения не разбивались. Если не увеличить заряд – разрывались в воздухе, не долетая до цели. О железные предметы и кирпичи разбивались на расстоянии до 100 метров, но что такое 100 метров до танка противника? Зачем для этого возиться с целой установкой? Не проще ли бросить бутылку с горючей смесью рукой из окопа в движущийся танк противника?

Юрий Владимирович приказал прекратить стрельбы и увести взвод обогреться. Они с Жаруком ушли в свой дом и начали обсуждать, что делать. Юрий Владимирович предложил составить акт о негодности ампуломётов и направить его в химотдел Армии. Жарук согласился с этим, но предложил направить акт не в химотдел Армии, а в химуправление Калининского фронта для верности. На том и порешили...

Когда акт был закончен и подписан, Юрий Владимирович предложил съездить в сводную роту химической защиты дивизии, в состав которой временно входил и отдельный взвод химзащиты 599-го стрелкового полка, с тем чтобы закончить ознакомление с подразделениями химической службы полка и на следующий день пойти на передовую, в боевые порядки полка.

Последний день уходящего 1942 года на Смоленщине был холодный и хмурый. На деревьях, крышах домов, на заборах был толстый слой инея, а по низким местам клубился густой серый туман. Жителей в прифронтовых деревнях не было. В зоне 25 км по приказу военных властей они были выселены в тыл, чтобы не стеснять действия войск. Оставленные дома пустовали. Чтобы жители не проникали в прифронтовую полосу, в свои дома, в тылу действовали заградительные отряды из войск НКВД и пограничников.

До сводной роты химзащиты, которая дислоцировалась в деревне Комарицы, в тылу дивизии, было километров 15. Ехали через деревни Максимовку, Белянскую, Городище. Кое-где встречались солдаты небольшими группами и военные подводы. Слева на всем пути, до самого Городища, раскинулась широкая долина, разделённая на две почти равные половины извилистым нешироким ручьём Сертейка, который был под снегом.

По дороге начальник химической службы дивизии рассказал Жаруку, что химвзвод полка состоит из трёх отделений: химической разведки и наблюдения, дегазации материальной части и оружия и отделения подвоза. Всего 27 человек. Взводом командует старший лейтенант Резяпкин, и он же сейчас командует сводной ротой химзащиты дивизии. Во взводе имеется 12 лошадей и 6 повозок.

– А как обеспечен взвод средствами дегазации и приборами химической разведки? – спросил Жарук.

– Для суточной боевой работы взвод имеет все необходимое. Затем предполагается подача из складов военно-технического снабжения дивизии. На этих складах имеется запас средств для всех видов защиты также на один день боя...Дальше надежда на армейский химический склад.

Деревня Комарицы насчитывала всего 30–40 дворов и была окружена хвойным лесом, что облегчало маскировку боевой техники и личного состава сводной химроты от воздушного противника.

Юрий Владимирович знал, где находится домик командира роты, и указал Михайлову, куда подъехать.

Старший лейтенант Резяпкин, до войны учитель средней школы, с добрым, немного угрюмым лицом, явно обрадовался приезду бывшего своего непосредственного начальника, но доложил ему о состоянии роты, нельзя сказать чтобы по-военному.

Юрий Владимирович на это не обратил никакого внимания и представил капитана Жарука как нового начальника Резяпкина, обращаясь к нему по имени и отчеству. Будучи старше по годам лет на 10, старший лейтенант Резяпкин посмотрел на Жарука как учитель на своего ученика снисходительно, но без скрытого превосходства, больше с любопытством.

В это время дверь отворилась, и на пороге появился высокий стройный, красивый старший сержант и доложил начальнику химслужбы дивизии:

– Товарищ майор, старшина роты Смирнов прибыл из дивизионных складов с суточной дачей для роты продовольствия и водки.

Юрий Владимирович после произнесенных слов «и водки» чуть заметно улыбнулся, но, также, как командиру роты Резяпкину, с приятным чувством встречи пожал руку Смирнову, шутя повторив при этом «и водки».

Видно было, что все они давно сработались, искренне уважали друг друга и были рады встрече.

Старшина роты, старший сержант Смирнов, до войны работал коммерческим директором в г. Горьком, за два года перед этим отслужил в армии действительную. Был подтянут, энергичен, с живыми чёрными глазами и мужественным лицом. На вид лет 25-27.

Не раздеваясь, Юрий Владимирович предложил пройти по взводам, посмотреть учебную базу. Во время ознакомления подробно интересовался у капитана Жарука, как был организован дивизионный санитарно-дегазационный пункт в 151-й отдельной роте химзащиты, на котором учились боевые расчёты, и как улучшить и что можно дополнить в организации санитарно-дегазационных пунктов в полках.

Это была интересная тема, и капитан Жарук, имея годичный опыт работы в этом деле, подробно поделился с Гагаринским и Резяпкиным всеми особенностями и новинками, которые знал. Ознакомление с полковым взводом химзащиты длилось более двух часов. Солдаты и сержанты были лучше подобраны, чем в ампуломётном взводе. В возрасте от 20 до 30 лет, с образованием 7–8 классов. Все хорошо обучены по специальности, они представляли собой дружный и сплочённый боевой коллектив. Лошади и боевая техника тоже содержались в исправном состоянии. Чувствовалось, что командование взводом и Юрий Владимирович, как бывший начальник химслужбы полка, работали с душой и вдумчиво.

Жаруку надлежало только поддерживать установленный порядок и постепенно совершенствовать то, что есть.

Начинало темнеть. Надо было спешить обратно в Староселье, так как на следующий день предстояло побывать во всех стрелковых батальонах, артиллерийских и миномётных подразделениях, медико-санитарной роте в тылу полка.

Резяпкин предлагал остаться в Комарицах переночевать, но Юрий Владимирович не согласился. Наскоро перекусив, они с Жаруком уехали в Староселье.

Второй день в полку

К 12 часам ночи Михайлов, как и обещал, поджарил картошку, открыл тушёнку, огурцы и налил по полстакана водки, которой у него накопилось литра два, так как Жарук не пил, а по норме полагалось ежедневно фронтовых 100 грамм.

Стрелки часов подходили к 12, и Юрий Владимирович поднялся произнести тост. В это время со всех видов оружия немцы открыли ураганный огонь. Стреляло, гудело и рывкало по всему фронту. Противник демонстрировал прочность и несокрушимость своей обороны в новом 1943 году. Наша оборона молчала, очевидно считая это мероприятие безрассудством.

Тост был, конечно, за нашу Победу, за успехи под Сталинградом, где события вступили в завершающий этап. Выпили ещё по 100 грамм, и Юрий Владимирович рассказал, как до войны работал в Клину. Был случай, когда он с приятелем отмечал какое-то событие и изрядно выпил. Пришел домой и лег спать. Большую степень опьянения с озабоченностью заметила его мать Вера Константиновна, и Юрий Владимирович был изумлен, проснувшись утром и застав мать, прикладывающую ему горчичники к подошвам ног. Обеспокоенная, она не спала всю ночь. С тех пор Юрий Владимирович дал себе зарок не переходить через меру.

– Очень правильный зарок, товарищ инженер, – сказал Жарук, – есть предложение встречу Нового года считать состоявшейся и, если Вы не возражаете, немного поспать.

– Нет, конечно, возражений нет, поужинали хорошо. Алексей убрал со стола, и вскоре все уснули. У ампуломётного взвода, расположенного рядом, через каждый час до утра менялся часовой, охраняющий взвод и домик начальства.

1-м Стрелковым батальоном на правом фланге полка командовал майор Мурашкин, высокого роста, с простым открытым русским лицом и прямым решительным характером. Оперативный дежурный штаба полка предупредил Мурашкина о возможном посещении в Новый год его батальона майором Гагаринским в качестве представителя управления дивизии и передал, чтобы был порядок. Охрана командного пункта 1-го стрелкового батальона была, соответственно, предупреждена, и майор Мурашкин встретил Гагаринского и Жарука и представился. Юрий Владимирович представил Жарука, и все трое вошли в землянку комбата.

Жарук, участвуя в боях ещё под Москвой в 1941 году, где он командовал 332-й отдельной ротой химической защиты 110-й стрелковой дивизии как стрелковой ротой, которая часто придавалась

стрелковым батальонам для усиления, хорошо помнил тяжелейшие условия того периода войны и с интересом наблюдал изменения в действующих войсках за год войны.

Землянка комбата была добротная, внутри обшита бревнами в сруб и сверху настелена пятью накатами бревен. Ни тяжёлая мина противника, ни 105-миллиметровый осколочный снаряд прямым попаданием не пробивали. Окон не было. Освещалась землянка двумя керосиновыми коптильнями из-под 45-миллиметрового снаряда. Небольшой самодельный столик, две табуретки, односпальная металлическая кровать и железная печка в углу, раскалённая докрасна, – всё оборудование землянки.

Оборона батальона состояла из ротных районов обороны и взводных опорных пунктов, огневых позиций артиллерии и миномётов, резервов и соединялась ходами сообщения полного профиля. Перед первой траншеей обороны батальона была установлена колючая проволока в три кола и минные поля. У противника тоже. Не задерживаясь в землянке, начальник химической службы дивизии попросил комбата провести его на наблюдательный пункт. Шли ходами сообщения. По пути встретились 5 солдат, двое из которых были без противогазов. Юрий Владимирович сделал замечание комбату, а тот приказал вызвать командира взвода и отчитал его за низкую химическую дисциплину во взводе.

На наблюдательном пункте командира батальона находился дежурный наблюдатель – сержант с биноклем и дежурный связист с телефонным аппаратом. Рядом с наблюдателем висела на шесте гильза из-под 152-миллиметрового снаряда. Как после стало известно Жаруку, удары об эту гильзу означали сигнал химической тревоги, по которому все должны надевать противогазы и по дополнительной команде командиров другие средства противохимической защиты.

На шесте с гильзой была прибита дощечка с листом бумаги под слюдой. Это была химическая инструкция наблюдателю. В ней перечислялись признаки химического нападения полка и действия при этом. Начальник химической службы дивизии задал несколько вопросов наблюдателю по дополнительной инструкции. Сержант знал её чётко.

На ротных наблюдательных пунктах было то же самое. И кроме командира роты Гагаринскому представился химический

инструктор роты. И, как бы вспомнив, Юрий Владимирович спросил комбата:

– А где старший химинструктор батальона?

Командир батальона ответил, что он находится на батальонном патронном пункте и занимается подгонкой и окуриванием противогазов для вновь прибывшего пополнения.

Такой ответ удовлетворил Юрия Владимировича, и все пошли дальше. Зашли на командный пункт командира батальона, и Юрий Владимирович опять сделал замечание за отсутствие противогазов на нескольких солдатах. Химического инструктора батареи отчитал за отсутствие на командном пункте дополнительной инструкции у наблюдателей и слабое знание им обязанностей в химическом отношении. Обратил внимание командира батареи на это и велел доложить о полученных замечаниях начальнику химслужбы артполка старшему лейтенанту Шибалову, так как артбатарея была придана из артполка дивизии.

Немцы вели себя спокойно. Почти не стреляли. Просмотрев наскоро схему обороны 1-го стрелкового батальона и задав командиру батальона несколько вопросов, касающихся ведения боя батальона в ночных условиях, Юрий Владимирович решил идти во 2-й стрелковый батальон.

Простившись, они с Жаруком ушли. Шли по траншеям. До командного пункта 2-го стрелкового батальона было километров пять. По дороге Гагаринский рассказывал Жаруку, что ношение при себе противогазов всем личным составом от рядового до командира полка обязательно, что весь личный состав полка должен уметь вести боевые действия в противогазах и других средствах противохимической защиты. Каждый должен уметь правильно дегазировать себя и своё оружие. А командир дополнительно должен уметь организовать дегазацию и санобработку в своём подразделении. Для этого надо всё время учить, проверять и опять учить. Командиры всех степеней, от командира взвода и выше, должны учить свои подразделения лично, а начальник химслужбы полка отвечает за уровень знаний по противохимической защите командиров и всего офицерского состава части.

Жаруку начинали проясняться обязанности и объём работы в полку. Во 2-м стрелковом батальоне подразделения оборонялись по гребням высот. Нейтральная линия проходила по неширокой ложнине с небольшими безымянными ручьями посередине.

Из наблюдательного пункта батальона линия обороны противника просматривалась в глубину значительно дальше, чем в 1-м стрелковом батальоне.

Командир батальона майор Шишкин произвёл впечатление храброго и деятельного командира, с орденом Красного знамени на гимнастёрке, который он поспешил показать, быстро сняв полужубок, как только вошли в его землянку.

Начальник штаба батальона капитан Ходченко, на вид 22-23 года, подвижный парень, носился метеором, и, когда Юрий Владимирович потребовал схему обороны батальона, она оказалась перед ним мгновенно, как по мановению фокусника.

Не торопясь рассмотрев её, Юрий Владимирович попросил доложить задачи миномётных подразделений в случае атаки противника на стыке с 3-м стрелковым батальоном. Выслушав доклад, начальник химической службы дивизии отметил, что этот вопрос до конца не доработан и что его надо уточнить с начальником артиллерии полка сегодня же к исходу дня, так как этот вопрос серьёзный, и тут же спросил, имеется ли минное поле на этом стыке.

Начальник штаба батальона или, как его официально именовали, старший адъютант, показал минные поля и на схеме, и на местности.

Зазвонил телефон. Капитана Жарука вызвал начальник штаба полка майор Моисеев.

– Что может сказать начальник полка? – подумал Жарук и взял трубку.

– Согласно графику, Вам необходимо сегодня в 20:00 заступить оперативным дежурным по полку.

– Здесь находится инженер-майор Гагаринский. Вам лучше об этом переговорить с ним, так как нарушаются наши планы, – ответил Жарук.

– А вы передайте ему мое приказание, – и начальник штаба полка положил трубку.

Капитан Жарук подошел к Гагаринскому и официально доложил:

– Товарищ инженер-майор, мне приказано в 20:00 сегодня заступить оперативным дежурным по полку.

– Кто приказал? – с какой-то усталостью в голосе спросил Гагаринский.

– Приказание начальника штаба полка майора Моисеева.

Закончив работу во 2-м стрелковом батальоне, Гагаринский позвонил командиру полка.

– Только что звонил майор Моисеев и передал, что капитан Жарук сегодня в 20:00 должен заступить оперативным дежурным, – сообщил он. – Вы об этом знаете?

– Нет, не знаю. Это, очевидно, инициатива начальника штаба полка.

– Нельзя ли дать нам возможность спокойно поработать этих 4 дня, как мы с вами договаривались?

– Хорошо, работайте, – ответил командир полка. Я сейчас позволю Моисееву.

Поговорив ещё минут десять с командиром 2-го стрелкового батальона майором Шишкиным и начальником штаба батальона капитаном Ходченко, Юрий Владимирович начал прощаться, собираясь с Жаруком идти в 3-й стрелковый батальон, который находился во втором эшелоне полка. Время подходило к 14 часам, и Шишкин предложил пообедать. Юрий Владимирович посмотрел на Жарука, как бы спрашивая: “Как вы считаете?” Жарук ответил:

– Думаю, можно, даже нужно. Хочу посмотреть, как питается командование батальона на переднем крае.

Все перешли в землянку командира батальона, где был уже накрыт стол на пять человек. Пятым оказался замполит командира батальона, бывший комиссар капитан Кокарев – человек «себе на уме», лет 40 и малоразговорчивый. В разговор вступал, когда замечал своё превосходство над доверчивым собеседником, когда можно было вставить что-то своё, поучительное, что-то тенденциозное, увесистое. Жарук обычно избегал такой разновидности людей, а когда приходилось вступать в разговор, то был немногословен.

Из кухни принесли наваристые щи с мясом и гречневую кашу с салом. Из запаса командования дополнительно были добавлены две банки камбалы, солёные огурцы, капуста, и отдельно нарезан лук в большой миске и полит подсолнечным маслом.

Водку наливал командир батальона из 800-граммовой фляги каждому по гранёному чайному стакану.

Командир батальона провозгласил тост за Новый год, за нашу Победу. Все выпили. Юрий Владимирович и Жарук выпили по полстакана и принялись за еду. Ели с большим аппетитом.

Не прошло и пяти минут, как командир батальона опять наполнил всем стаканы и провозгласил тост за возвращение домой

с победой живыми. Заметно было, что он уже немного захмелел. Все подняли стаканы, но Юрий Владимирович и Жарук пить не стали, ссылаясь на то, что впереди ещё много работы. Гостеприимные хозяева с этим согласились, и сами тоже после этого не пили. Разговор перешёл на злободневную тему того времени, о событиях под Сталинградом, и принял оживлённый характер.

Каждый прогнозировал по-своему окончание войны. Жарук молчал, и замполит Кокарев обратился к нему:

– А вы как думаете, капитан, когда закончится война?

– Думаю, война закончится тогда, когда разобьём немцев, – ответил Жарук, – а когда это будет, сказать трудно, по-моему, даже невозможно.

Все с этим согласились, но Кокарев заметил, что товарищ Сталин в одном из своих выступлений сказал в прошлом году, что война ещё продлится годик, может быть два. Значит, должна закончиться в 1943-м.

Никто ему на это не возразил, и Юрий Владимирович с Жаруком заторопились в 3-й стрелковый батальон. Поблагодарив командование 2-го стрелкового батальона за гостеприимство, Гагаринский с Жаруком ушли.

До 3-го стрелкового батальона было километров 5-6. Небо затянулось низкими облаками и предвещало снег. Мороз уменьшился. Шли сосновым лесом. Многие деревья были изранены осколками. В это время противник вел методический огонь по деревне Михайловское, где расположились тыловые подразделения 3-го стрелкового батальона и артподразделения.

Командир 3-го стрелкового батальона, майор Русанов, был горделивый, даже несколько высокомерный, лет 30. Гагаринский предупредил Жарука об этом. Начальник штаба капитан Фатеев, молодой, лет 25, приветливый, с живыми глазами на румянном симпатичном лице, был обаятельным собеседником, как бы возмещая чопорность командира батальона. Юрий Владимирович, видно, уважал его, так как при встрече его глаза светились искренне приветливо.

Поздоровались.

– Чем порадует нас высокое дивизионное начальство? – произнес майор Русанов, пожимая руку Гагаринскому.

– Особенно ничем, вот знакомлю нового начальника химической службы полка капитана Жарука с полком. Прошу любить и жаловать, – ответил Юрий Владимирович.

Все пожали друг другу руки.

– Чем вы тут занимаетесь? – спросил Юрий Владимирович.

– Совершенствуем оборону, проводим занятия в подразделениях и улучшаем боевую документацию 3-го стрелкового батальона во втором эшелоне, – ответил капитан Фатеев.

– А расписание занятий есть у вас или так, стихийно? – опять спросил Юрий Владимирович.

– Расписание занятий есть, и как раз через 30 минут в пулемётной роте химинструктор батальона сержант Гришин будет проводить занятия.

– Очень хорошо. Только почему химинструктор, а не командир взвода или роты будет проводить занятия? – рассматривая расписание, продолжал Юрий Владимирович.

– Очевидно потому, что он у нас самый грамотный, – ответил за своего начальника штаба майор Русанов.

– Этого делать нельзя, должен такие занятия проводить командир, – категорически заявил Юрий Владимирович. – Давайте сделаем так: назначьте по своему усмотрению руководителя занятий, прикажите химинструктору обеспечить их материально, а мы все через 30 минут посмотрим. Командир батальона утвердительно кивнул, и капитан Фатеев ушел организовывать занятия.

Юрий Владимирович тем временем рассматривал схему оборонительных действий батальона во 2-м эшелоне в случае атаки противника и вёл неторопливый разговор с Русановым.

– Знаете ли Вы, какой перед вами обороняется противник? – спросил его Юрий Владимирович.

– Раньше оборонялся 2-й пехотный батальон 102-го пехотного полка 332-й пехотной дивизии. Теперь не знаем. Давно не брали пленного, месяца полтора будет, – ответил Русанов.

Зазвонил телефон. Начальник штаба полка просил к телефону Гагаринского.

– Почему Вы нарушаете нам график оперативного дежурства? – поздоровавшись, спросил тот Гагаринского.

– Это вы пытаетесь нарушить наш план работы, а не мы вам график, – ответил Юрий Владимирович.

– Ладно. Когда будете в штабе полка?

– Очевидно, послезавтра, и будем смотреть всю оперативную документацию. Завтра отводится день на тыловые подразделения полка: медпункт, ВТС, полковые склады и артснабжение.

– Ну, хорошо. Только когда будете в штабе, не забудьте заглянуть ко мне. Не так, как в прошлый раз, – попросил майор Моисеев.

Юрий Владимирович пообещал, и в это время капитан Фатеев зашел доложить о готовности к занятиям по противохимической подготовке пулемётной роты.

Все пошли туда, даже командир батальона. Командир пулемётной роты старший лейтенант Поляков встретил группу офицеров у своей землянки и, несколько стусевавшись, доложил инженер-майору Гагаринскому, что пулемётная рота в составе 42 человек выстроена для занятий по теме: «Правила пользования индивидуальными средствами противохимической защиты». Рота была выстроена повзводно на площадке и не просматривалась со стороны противника. Юрий Владимирович разрешил начать занятия.

Занятия материально химинструктор батальона подготовил хорошо. У каждого солдата кроме противогазов были защитные чулки, перчатки, накидки и индивидуальные противохимические пакеты.

Руководитель занятий старший лейтенант Поляков, коротко напомнив назначение каждого из средств защиты, тут же перешёл к практическому показу. На эти вопросы ушло 10 минут. Остальные 40 минут – тренировка в пользовании средствами защиты. Весь личный состав роты практически выполнил приёмы пользования индивидуальной защитой.

Занятия прошли продуктивно. Юрий Владимирович был доволен и попросил командира батальона майора Русанова объявить в приказе Полякову благодарность. Затем посмотрел порядок на наблюдательном пункте и дал некоторые указания химинструктору батальона. Тепло ростившись с командованием батальона, Гагаринский и Жарук ушли к себе в Староселье.

Через два километра их догнала подвода, посланная вдогонку командиром батальона, и, воспользовавшись транспортом, Юрий Владимирович предложил заехать в Васюки, соседнюю со Старосельем деревню, где размещался полковой медпункт. Там был небольшой водоём и вытекающий из него ручей. Рядом березовая роща. Всё было удобно для развертывания санитарно-дегазационного пункта полка.

Дорогой Юрий Владимирович молчал и над чем-то озабоченно думал. Около деревни Васюки он показал Жаруку район выжидания, маршруты движения заражённой боевой техники, людей и лошадей,

площадки дегазации оружия, боевой техники и обмундирования, санитарно-обмывочные пункты, а также пункты сбора после обработки.

Затем спросил:

– Как вы думаете, капитан, что, если вместо того, чтобы смотреть завтра тылы полка, которые вы и без меня посмотрите, мы завтрашний день проведем более продуктивно: поднимем сводную химроту по тревоге, распустим взводы по полкам, поставим перед ними задачу на боевую работу и посмотрим, как они практически будут действовать. После обеда мы с вами вдвоём поедем по всем полкам дивизии и посмотрим, как там идут дела. А до обеда будем работать здесь, в Васюках, согласны?

– Возражений нет, – ответил Жарук.

Темнело. Повалил снег и, как обычно, немцы начали освещать оборону ракетами.

В деревне Васюки подъехали к домику старшего врача полка, и Юрий Владимирович отпустил санки майора Русанова. Старший врач полка военврач 3-го ранга Прохоров встретил Юрия Владимировича очень радушно. Видно было, что они раньше согласованно работали и, как два культурных офицера, хорошо понимали друг друга и уважали. Гагаринский представил Жарука, и Прохоров, пожав руку, оценивающе посмотрел на него.

В комнате врача было очень чисто и едва уловимо пахло йодформом и ещё каким-то лекарством. На столе ярко горела карбидная трофейная лампа. В целях светомаскировки окна были плотно закрыты ставнями.

– Вы, наверное, голодны, давайте поужинаем, – предложил доктор. – Тем более сегодня Новый год.

– Ещё не очень голодны, обедали во 2-м батальоне, надо сначала поговорить о делах, – ответил Юрий Владимирович.

– А мы и то и другое: пока будут делать нам ужин, мы поговорим о делах – и вышел в переднюю комнату, где располагался его ординарец-санитар.

Вскоре вернулся, сел напротив Юрия Владимировича и вопросительно посмотрел на него: «Слушаю».

Был он энергичный, живой, с ясным решительным взглядом. Чисто выбритое молодое лицо, высокий лоб и гладко причесанные волосы отдавали каким-то благородством. Ему было лет 25–27.

– Гриша, – глядя также ему в лицо, сказал Юрий Владимирович, – мы с моим коллегой Александром Павловичем хотим завтра

поднять полковой химвзвод по тревоге и провести на полковом санитарно-дегазационном пункте небольшую боевую работу. Сможешь ли ты дать нам свое обмывочно-дезинфекционное отделение для участия в этом деле?

– Смогу, мы, кстати, всех участников и мою медсанроту поможем там, как раз пора, – ответил он.

– Очень хорошо, – сказал Юрий Владимирович, – тогда мне надо позвонить в полки и дать соответствующие указания. У тебя есть телефон?

– Телефон вот на столе, связан с коммутатором полка, звони куда надо. А я сейчас вернусь.

Юрий Владимирович начал звонить. Сначала в 729-й стрелковый полк, начальнику химслужбы старшему лейтенанту Шевчуку. Он как раз был оперативным дежурным.

– Товарищ Шевчук, – начал Юрий Владимирович, – завтра по тревоге прибудет от Резяпкина ваше хозяйство. Вы должны его встретить и к моему прибытию подготовить два-три орудия, до пяти автомашин, 15–20 лошадей с подводами и 30–40 человек – для обработки. Заметьте время, когда прибудет ваше хозяйство, и совместно с медслужбой начинайте боевую работу. Мы будем у вас завтра, между 14 и 15 часами. Ясно?

– Ясно, а кто ещё с вами будет? – спросил Шевчук.

– Капитан Жарук, прибывший позавчера к нам на место, где я раньше работал.

– Жарук? Это интересно. Я, кажется, его знаю.

– Ну, завтра увидитесь, – закончил Гагаринский.

Такое же распоряжение было дано в 403-й стрелковый полк начальнику химической службы капитану Абрамову и в тыл 599-го стрелкового полка заместителю командира по тылу майору Лесовому для подготовки подвод и машин на обработку. Остался 1043-й артиллерийский полк, где начальником химслужбы был старший лейтенант Шибалов. Связавшись с Шибаловым, Юрий Владимирович предложил ему представить на обработку повзводно батарею 76-миллиметровых пушек, которая находилась близко около нас и самому быть на пункте обработки к 10 часам вместе с одним из взводов.

Жарук с интересом отметил, что, разговаривая с Шибаловым, он называл его просто Володя и на «ты», в голосе проскальзывали тёплые нотки. Затем, обратившись к Жаруку, Гагаринский спросил:

– Вы не будете возражать, если завтра мы возьмём с собой Володю Шибалова по полкам? И увезёт ли конь нас всех?

– Конь увезет свободно, и возражать нет причины. Мне, очевидно, тоже будет полезно поближе познакомиться с артиллерийским коллегой для будущего взаимодействия с поддерживающей артиллерией.

– Это верно, и парень он очень хороший.

В это время вернулся доктор Прохоров.

– Если вы покончили с телефонными разговорами, – сказал он, – то ужин готов.

– Можно, – подтвердил Юрий Владимирович, – и, пожалуй, даже нужно, уже 9 вечера. Хочется есть.

Пока мыли руки в передней комнате, ординарец-санитар быстро накрывал стол. Пожилой, с пшеничными усами, неразговорчивый, умудрённый житейским опытом, ординарец дело свое выполнял чётко.

На чистой белой скатерти, как по волшебству, появилось обилие закусок и два пузырька светлой жидкости, в одном водка, в другом спирт. На середине стола главное место занимала миска с отваренной картошкой, сдобренной мясными консервами. Над миской клубился пар и вкусно пахло.

– Да... – с одобрением глядя на стол, протянул Юрий Владимирович, – я очень правильно сделал, что повернул к тебе, Гриша. Ты прямо волшебник.

– Ну, слава Богу, – ответил тот, – давайте нальём. Затем, немного помолчав, добавил: «Пока на этом свете».

Жарук заколебался.

– Очень извиняюсь, но я сегодня в обед пил и сейчас, ну, никак не хочу, – со смущением, но решительно сказал он.

– Ну, а вино? – спросил Прохоров.

– Вина немного можно. Не такое горькое и жгучее.

Ординарец внёс бутылку портвейна, откупорил, и Прохоров налил в рюмку. Выпили за встречу, затем за Победу, затем, чтобы вернуться домой с Победой. Ужин был отличный. Оживлённо разговаривали, немного вспоминали, прогнозировали, как развернутся дальше события. Всем было приятно. Юрий Владимирович живо и содержательно говорил.

Часа через два, по просьбе Юрия Владимировича, ужин закончили, и Прохоров велел подавать санки.

В Староселье Михайлов доложил, что днём был в штабе полка, сдал продаттестаты и получил на три дня продукты, что конь накормлен, отдохнул, и спросил, будем ли мы ужинать.

– Алексей, завтра в 7 часов утра повезешь приказание в Комарицы, в сводную химроту, – сказал Жарук, – и отдашь его старшему лейтенанту Резяпкину. Помнишь туда дорогу? Не заблудишься? Затем вернёшься обратно сюда. После обеда поедем по полкам дивизии. Нас будет четыре человека. Ужинать сегодня не будем.

– Понял. Слушаюсь! – ответил Михайлов. – Не заблужусь, пишите бумагу.

– А может быть, пошлём с приказанием в Комарицы ротного из ампуломётного взвода? – спросил Юрий Владимирович. Конь пусть отдохнет до завтра до обеда.

– Можно и так, – сказал Жарук, – сбегай тогда, Алексей, за лейтенантом Рудитом.

Пока Михайлов бегал за с лейтенантом, Юрий Владимирович написал Резяпкину распоряжение. В жарко натопленной хате вскоре все уснули. Закончился второй день службы в полку.

Третий день в полку

Утром после завтрака Гагаринский с Жаруком пошли в Васюки пешком. Михайлову приказали накормить коня, пообедать самому и к 14:00 подъехать за ними.

Ночью шёл снег и припорошил дорогу. По небу медленно ползли тяжёлые чёрные тучи и дул юго-западный ветер, предвещающий оттепель. Но было ещё холодновато, градусов 10 мороза. На фронте стояла тишина.

– Товарищ инженер-майор, – заговорил Жарук, – давно ли прибыл в дивизию старший лейтенант Шевчук и как он выглядит?

– Прибыл в дивизию в мае прошлого года из Калининского военного химического училища лейтенантом. Старшего лейтенанта получил в ноябре. Вашего роста, голубоглазый, говорит с сильным украинским акцентом. Работник он старательный, но арапистый. Склонен к хвастовству. Недавно пришлось его слегка отчитать за кое-что.

– Если это он, то мы с ним вместе были в Калининском училище в одной роте, в 9-й. Я был курсантом роты, а Шевчук помощником старшины – каптенармусом. Служил действительную военную службу. Мы были приятелями. Затем, когда я закончил училище

и стал лейтенантом, он почти официально обратился ко мне за советом: не поступить ли ему в это училище. О том, что война на носу, никто тогда не знал. Мы долго на эту тему говорили, он имел 10 классов образования, но с поступлением что-то медлил. Я сказал, что нужно поступать и баста, начальство знает его по службе с положительной стороны. Парень он хороший, а то, что Вы его отчитали – со всяким может случиться.

– Тогда это он. Вчера о Вас тоже спрашивал, когда я говорил с ним по телефону, что же, сегодня увидите.

До Васюков шли молча, каждый думал о своем. Вскоре за бугром открылась деревня, рассыпанная по южным склонам широкой долины. За деревней около лесного массива сустились люди. Было 9 часов утра.

– Резяпкин, по-видимому, уже прибыл, – сказал Юрий Владимирович и ускорил шаг. Быстро прошли Васюки и оказались на дороге, ведущей на полковой санитарно-дегазационный пункт. Солдаты химвзвода бегом расставляли указки.

Увидя Гагаринского и Жарука, старший лейтенант Резяпкин подбежал с рапортом.

– Давно прибыли? – спросил Юрий Владимирович, приняв рапорт.

– В 08:30, товарищ майор. К приему заражённой техники и людей будем готовы через 30 минут.

– А как обмывочно-дезинфекционный пункт медсанроты, прибыл?

– Развёртывает свою палатку вон в том лесу. Я там ещё не был.

В это время подошел начальник химслужбы арtpолка старший лейтенант Шибалов и представился. Гагаринский познакомил его с Жаруком.

Было что-то детское, удалое и нежное в голубых и доверчивых глазах этого парня. Из-под обшлагов полушубка виден был воротник кителя с чистым белым подворотничком с красной окантовкой. Чуть сдвинутая на бок белая шапка-ушанка. Детские пухлые румяные губы. Среднего роста, подтянутый. Шибалов понравился Жаруку. Когда Гагаринский отошел с Резяпкиным на площадку дегазации стрелкового оружия, а Жарук с Шибаловым остались на контрольно-распределительном пункте, разговорились.

– Вы с какого года? – спросил Жарук.

– С 1922-го. Юрий Владимирович зовет меня просто Володя, и вы тоже можете меня так звать. А вы с какого года?

– Я много старше Вас, с 1921-го, – ответил Жарук, и оба улыбнулись. – 16-го января исполняется 22 года. Приходите, отметим. Можете тоже просто называть меня по имени.

– Я не могу. Вы капитан, со шпалой на петлицах, и мне не положено.

– Пустяки. Мы с вами равные по должности, коллеги. Ну, ладно, там видно будет. Пойдемте к начальству, а то обидится.

И они быстро пошли к Гагаринскому и Резяпкину, оттуда на обмывочный пункт. В лесу на обмывочном пункте полным ходом разворачивалась большая брезентовая палатка с утеплителем. Устанавливались печки для обогрева, душевые для помывки людей, определялись места для приёма заражённого и выдачи чистого обмундирования, готовились ящики для сбора документов, расставлялись указки, устанавливали телефонную связь и т.д.

Везде были девушки медсанроты, и руководил ими лично Прохоров. Все бегали и суетились. К Гагаринскому Прохоров подошел с рапортом, но тот рапорта не принял и, поздоровавшись, засыпал Прохорова вопросами: «Есть ли мыло и кальцинированная сода? Сколько? Во что будут собирать и отправлять заражённое обмундирование для дегазации? Беспрепятственно ли выдал начальник обозно-вещевого снабжения полка обмундирование и бельё, предусмотренное приказом по полку, или, может быть, затянул волокиту?» Доктор едва успевал давать ответы, но отвечал толково и по-деловому.

Гагаринский, видно, был в своей стихии, вникал даже в мелочи, и Жарук старался не упустить ни одного его слова и мысли. Учение обещало быть интересным и поучительным.

В километре по ложине двигались три 76-миллиметровые пушки на конной тяге и расчёты, вызванные Володей Шибаловым.

– Вы чем будете дегазировать? Настоящим дегазатором, – обратился Юрий Владимирович к Резяпкину, – или водой?

– Чем прикажете, товарищ майор, – ответил тот.

– Конечно, водой. Дегазатор надо пожалеть, но, чтобы всё было налицо, реально, со всеми предосторожностями.

Потом обратился к Жаруку:

– Хорошо, что сегодня пасмурно и нелётная погода. Немцы могли бы без стеснения разогнать наш базар, – и оба улыбнулись.

И Юрий Владимирович тут же спохватился: а маскировка? Мы же на войне и перед носом у противника!

– Старший лейтенант Резяпкин! Сейчас же посадите двух солдат на коней и поставьте им задачу о строгой маскировке с воздуха, никаких скоплений и не допускать движения по открытой местности, – распорядился Юрий Владимирович. Старший сержант Смирнов немедленно организовал исполнение.

Вскоре показались подводы и автомашины, присланные из тыла полка. Их направили в лес, в выжидательный район.

К 10 часам утра все начальники площадок доложили старшему лейтенанту Резяпкину о готовности к боевой работе, и Резяпкин подошел к Гагаринскому с рапортом за весь полковой пункт. Гагаринский разрешил начать работу. Все пошли смотреть.

Солдаты химвзвода работали чётко и ошибок, особенно по мерам предосторожности, допускали мало.

Прибывшие орудия и расчёты артполка имели свои ранцевые дегазационные приборы и средства защиты. Были обучены и тоже работали чётко и правильно. Но вот подводы тыла полка, ездовые и шофёры работали неумело, с ошибками. С ними химикам пришлось повозиться. После дегазации техники, оружия и лошадей люди направлялись на обмывку. С обмывочного пункта все уходили довольные. Банный день на фронте всегда был вроде праздника. К 13 часам помылось и начальство со сменой чистого, ещё не бывшего в употреблении белья.

Обедали у старшего лейтенанта Резяпкина, в крайней хате деревни Васюки, где старшина Смирнов заранее все организовал.

Солдаты химвзвода и девушки-санитарки обмывочно-дезинфекционного пункта организовали обед вместе, в палатке. Старший врач полка капитан медицинской службы Прохоров был приглашен к Резяпкину. К 14:00 обед закончили, и начальник химической службы дивизии Юрий Владимирович Гагаринский разрешил Резяпкину свёртывать пункт и следовать в Комарицы.

Подъехал Алексей Михайлов. Соловей, после полуторасуточного отдыха и небольшого пробега из Староселья, разгорячился, нетерпеливо переступал с ноги на ногу, прядал ушами, изгибал свою лебединую шею, просил ходу.

Восхищаясь конём, доктор Прохоров выразил то же опасение, что и Юрий Владимирович:

– Александр Павлович, смотрите, как бы начальство не отняло у вас этого красавца.

Все были оживлены, довольны полезным и поучительным учением.

Тепло расставшись с Прохоровым и Резяпкиным, Юрий Владимирович, Жарук и Володя Шибалов уехали в 729-й полк к Шевчуку.

Конь шел полной рысью, не чувствуя санок. Когда остался позади крутой подъём, на который Соловей вышел, не снижая темпа, Володя Шибалов повернулся к сидящим сзади Гагаринскому и Жаруку и восхищённо воскликнул:

– Я думал, что лучшего коня, чем у моего командира артполка, нет ни у кого. Оказывается, ошибался, до этого ему далеко. Бывает же в природе такая красота.

Володя говорил искренне, как-то по-детски доверчиво.

– Александр Павлович, где вы его добыли?

– Расскажи, Алексей, об этом ты, – попросил Жарук Михайлова.

– В Большом Клину стояли партизаны и подарили коня капитану за то, что мы им всегда помогали и жили с ними дружно. Конь молодой, партизаны на нем не ездили, ему ещё полных двух лет нет.

– А сколько кони вообще живут? – спросил Володя.

Жарук помнил цифру 20, Юрий Владимирович, как потом сознался, вообще не знал, а Михайлов, не зная, к кому адресован вопрос, молчал. Затем, видя, что молчание затянулось, Алексей ответил:

– Некоторые доживают до 25 лет.

Никто ему не возразил, и каждый воспринял эту цифру за авторитетную.

– Долго как! – удивился Володя, и все улыбнулись.

Впереди показалась деревня Шептухи. Справа виднелась деревня Артюхи, где стоял штаб дивизии, за ней, как боярская шапка с острым верхом, возвышалась Веленская высота, с которой немцы просматривали и контролировали нашу оборону.

Въехали в густой сосновый лес с тяжёлыми хлопьями снега на ветках. Дорога была ровная и хорошо укатанная. Вскоре лес кончился, и за небольшой поляной показалась деревня Ярилово на берегу большого озера Дго.

Озеро было под толстым слоем льда и снега и представляло собой отличную взлётно-посадочную площадку. На его западном берегу, со стороны противника, сустились люди, виднелась техника,

подводы и лошади. Там был развернут санитарно-дегазационный пункт 729-го стрелкового полка.

Не успели приехавшие сойти, как Шевчук подбежал с рапортом. За полтора года войны Вася изменился – возмужал и посерьёзnel. Военная форма, полученная им в Кировском военном училище при выпуске, не была так тщательно подогнана и аккуратно сшита, как у Жарука. Видно, война подгоняла училище с выпуском новых лейтенантов, но форма выравнивала Васину немного сутулую фигуру.

Приняв рапорт, Гагаринский поздоровался с ним и направился к санитарно-дегазационному пункту. Пропустив Юрия Владимировича вперёд и оказавшись позади, Шевчук тут же повернулся к Жаруку и воскликнул с сияющими глазами:

– Саша, я очень рад тебя видеть!

– Здравствуй, Вася, – ответил Жарук, – я тоже рад.

И они обнялись. Гагаринский быстро шел впереди и не поворачивался.

– Вася, – тихо сказал Жарук, – ты иди, сопровождай начальство и обдуманно отвечай на его вопросы. Обо всем мы с тобой поговорим после.

Осматривая площадки обработки стрелкового оружия, боевой техники, обмундирования и снаряжения, обработки лошадей и обмывки людей, начальник химслужбы дивизии задавал Шевчуку те же вопросы, что Резяпкину и Прохорову. И когда Шевчук отвечал иногда неточно или с заминкой, Жарук невольно переживал за него.

Но в основном всё шло нормально. Площадки были развернуты правильно, химвзвод 729-го полка прибыл своевременно, люди свои обязанности знали и выполняли чётко, район развертывания полкового дегазационного пункта был выбран удачно и укрывался в густом сосновом лесу от наблюдения с воздуха.

Не понравилось начальнику химической службы дивизии отсутствие на пункте старшего врача полка и то, что начальник обозно-вещевого снабжения полка не отпустил на санитарно-дегазационный пункт обмундирование, снаряжение и бельё, предусмотренное приказом в количестве 25 % от состава полка.

Юрий Владимирович дал указание доложить об этом командиру полка и представить ему объяснение начальника отдела вещевого снабжения полка.

На осмотр пункта ушел час времени. Жарук выбрал момент и шепнул Шевчуку, что через два-три дня, когда закончится поспешность

с приемом-передачей службы, он позвонит ему, чтобы договориться о встрече.

До 403-го стрелкового полка к начальнику химслужбы капитану Абрамову было около 10 км. Юрий Владимирович начал беседу и обратил внимание на то, что в зимних условиях организация противохимической защиты войск усложняется рядом особенностей, связанных с низкими температурами и отягчающими войска излишними массами обмундирования и снаряжения.

– К этому надо добавить, что в зимних условиях отравляющие вещества слабее и дольше нейтрализуются дегазаторами, чем в летних, – заметил Жарук, – а стойкие отравляющие вещества при -5°C вообще не дегазируются хлорной известью или другими сыпучими дегазаторами. Как же быть?

– Очевидно, надежда только на механическое удаление стойких отравляющих веществ на заражённой местности методом проделывания проходов, – ответил Юрий Владимирович.

– Так, конечно. Но всё равно заражённый участок весь надо обозначить предупредительными знаками, что он будет опасен весь зимний период, до наступления тепла, и держать под наблюдением – продолжал Жарук.

– Да, это так, – согласился Юрий Владимирович.

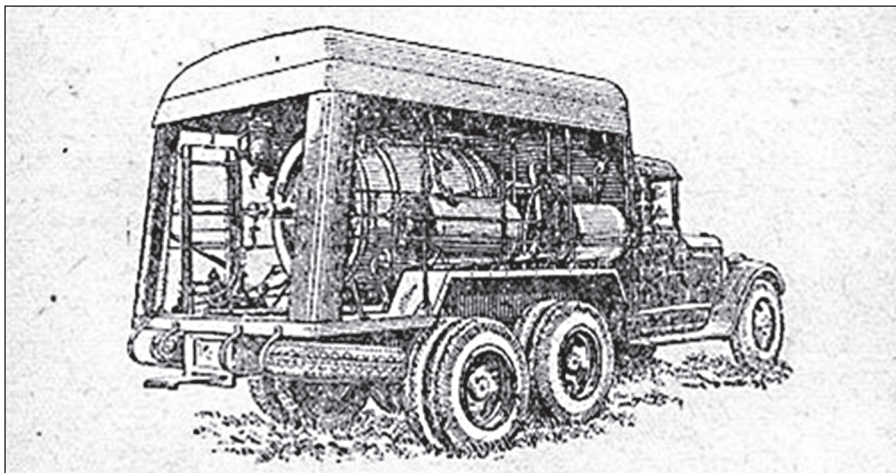
Володя сидел рядом с Михайловым молча, а потом заметил:

– Не будет немец применять химию зимой. Это ему невыгодно. Химией он бы сковал не только нас, но и себя.

– Возможно, ты прав, Володя, – ответил Юрий Владимирович, но нам всё равно надо быть в постоянной готовности к противохимической защите войск – и зимой и летом, и ночью и днем. Это наша задача.

– Или вот ещё, – продолжал Жарук, – зимой на наших много овчинных изделий: полушубков, шапок-ушанок, рукавиц. Согласно наставлениям, эти предметы полагается дегазировать горячим воздухом при температуре $+60^{\circ}\text{C}$ в течение 5-6 часов. В Калининском училище нам показывали для этих целей специальную автомашину с большой камерой-палаткой, в которую двигатель нагнетает горячий воздух и создаёт нужную температуру. Машина называется АГВ (автодегазатор горячим воздухом).

– Для этого у нас в каждом полку имеются камеры ДКОС (дегазационная камера обмундирования и снаряжения), – напомнил Юрий Владимирович. – Знаете это приспособление?



Автомашина для дегазации горячим воздухом и паром АГВ-2.
Иллюстрация из открытых источников*

– Знаю, сами такие камеры делали в 151 ОНХЗ (оборудование нефтехимических заводов), ну, а ее производительность? 20 полушубков в одну загрузку. Это значит в сутки всего четыре таких загрузки, что будет 80 полушубков. В полку же своих полушубков около 2000 штук, а в приданных и поддерживающих частях и подразделениях, у которых химподразделений нет и которые придут на пункт обработки в стрелковый полк, тоже будет примерно столько же полушубков, итого около 4000 штук. Дальше, согласно инструкциям и наставлениям, берем расчёт на заражение 30 % личного состава и техники за один день химического боя. Так? Значит, надо рассчитывать примерно на 1200 полушубков, а мы за сутки вернем войскам продегазированных только 80, а с остальными будем возиться ещё 15 дней. Это только полушубки, а остальное все обмундирование и снаряжение?!

– Все эти проблемы решать будем только мы – химики. Но как? Гагаринский немного подумал, затем ответил:

– Всё это верно. Верно и то, что решать эти проблемы придется нам, химикам. Но представьте себе, что мы изготовили камер ДКОС столько, сколько нужно на каждый полк. Это мы можем в дивизии сделать реально. Затратим материалы и средства, а дальше? Чем возить? Ведь таких камер на каждый полк, даже по тому

* <http://lemur59.ru/node/9775>.

расчёту, который вы, капитан, сделали приблизительно, но правильно, надо изготовить около 20 штук. А чтобы перевезти одну такую камеру, необходима одна грузовая машина. Так? Что же делать? Давайте поищем другое решение, возможно тоже приемлемое, но проще.

Проехали ещё километра два, и молчание нарушил Володя Шибалов:

– Почти в каждом дворе в здешних деревнях имеется своя баня, – сказал он. – Там можно создать любую температуру, почему бы их не принять в расчёт?

– Очень верно, Володя! – ответил Юрий Владимирович, – эти бани надо все учесть, просмотреть их, нанести на схемы и приложить к планам противохимической защиты в оперативной документации штабов.

– Вот и кусок работы появился, – засмеялся Володя. – Правду говорят, не подавай начальству умный совет, ибо тебе же придется его выполнять.

Посмеялись.

За поляной у пруда показалась деревня Юрловка, около которой должен был быть санитарно-дегазационный пункт 403-го стрелкового полка. Но никаких признаков пункта не было. Проехали вправо и обогнули лесной массив, но ничего не увидели. Вернулись назад в сторону Юрловки и случайно у дороги увидели солдата-химика, которого Юрий Владимирович узнал.

– А где же указки? – спросил он.

– Товарищ капитан Абрамов велели вместо указок поставить нас, чтобы не догадались шпионы, – ответил солдат. Товарищ капитан говорили, что по указкам на пункт могут пройти шпионы.

Гагаринский ничего солдату не сказал и попросил показать дорогу на пункт. В глубине леса, на чистой поляне стоял Абрамов и о чем-то оживленно говорил с артиллерийским офицером. Вокруг стояли солдаты, дальше лошади, подводы, два орудия и три автомашины.

Увидев начальника химической службы дивизии, Абрамов не спешил с докладом, а продолжал спор с артиллеристом.

Гагаринский увидел командира химвзвода полка, лейтенанта Губарева, подозвал к себе.

– Доложите, лейтенант Губарев, когда прибыл ваш взвод?

– В 11:00, товарищ майор.

– Сейчас 16-й час. Почему до сего времени ничего не делаете?

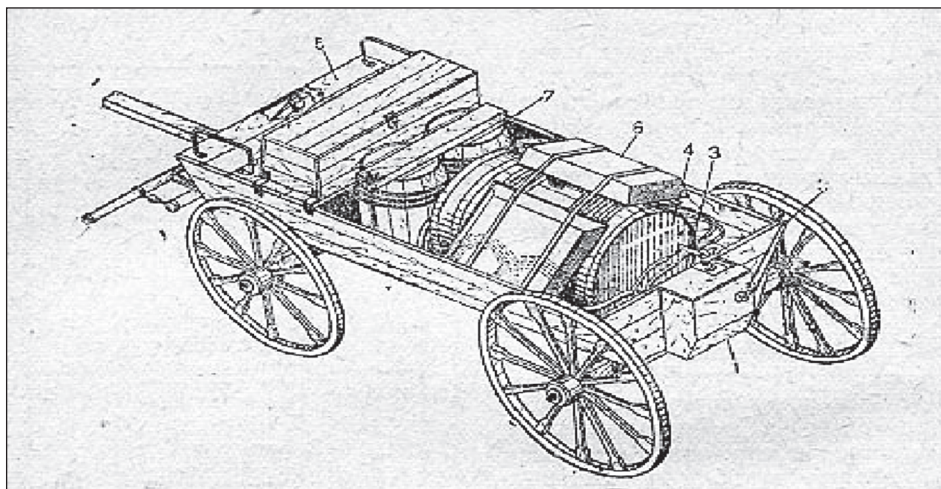
– Начальник химической службы полка капитан Абрамов приказал ждать вас.

Было ясно, что начальник химической службы 403-го стрелкового полка капитан Абрамов сорвал мероприятие, и Жарук с интересом наблюдал, какое решение примет начальник химической службы дивизии.

В это время подошел Абрамов и представился:

– Товарищ майор, начальник химической службы полка капитан Абрамов, – доложил он, плохо выговаривая букву «р».

– Вижу, что Абрамов, – ответил Гагаринский, – вот что, капитан, оперативное и астрономическое время сейчас 16:00 02.01.1943 г. Только что подошли остатки вашего полкового взвода химзащиты, поднятого утром по тревоге, и командир взвода доложил вам, что на марше попал под удар самолётов противника и уцелела только одна конная дегазационная повозка и 10 человек. И повозка, и люди через 5 минут будут здесь. Ваше решение?



Дегазационная повозка КДП-250.

Иллюстрация из открытых источников*

– Всех собранных на санитарно-дегазационную обработку, людей и технику отправлю по своим местам. О том, что взвод химзащиты выведен противником на 60 % из строя, докладываю командиру полка и вам.

* <https://ivagkin.livejournal.com/72690.html>.

– Так, но, когда вы докладывали мне, – продолжал Юрий Владимирович, – я запретил вам отправлять по своим местам подразделения, прибывшие на обработку, и потребовал принять меры на местах. Ваше решение?

– Имеющимися силами и средствами могу организовать частичную обработку и дегазацию прибывших подразделений.

– Вот и действуйте: времени на все вам один час, – распорядился Гагаринский.

Жарук молча очень одобрил такое решение. Во-первых, прибывшие на санитарно-дегазационную обработку подразделения артиллерии и тыла получают на учениях хоть что-то. Во-вторых, если через час частичная санитарно-дегазационная обработка подразделений будет закончена, то взвод химзащиты 403-го полка ещё вернется в Комарицы к наступлению темноты, и люди не будут мучиться ночью в пути.

В это время очень бойкая девушка с петлицами старшего сержанта подбежала к Абрамову и доложила, что ОДП (обмывочно-дегазационный пункт) развернут и готов к приёму людей. Абрамов ответил ей, что всё нарушилось, он не знает, как поступить с ОДП. Посоветовал обратиться к начальнику химической службы дивизии.

Юрий Владимирович ответил, что его здесь нет, что он, переговорив с капитаном Абрамовым, ушел к командиру дивизии на доклад. И Гагаринский отошел к стоявшим недалеко Жаруку и Шибалову, проговорив: «Интересно, что этот олух решит с ОДП».

Как и следовало ожидать, Абрамов распорядился свертывать ОДП и возвращаться в медсанроту. Юрий Владимирович не выдержал и подозвал девушку – командира ОДП к себе:

– Вы сколько времени затратили на развёртывание? – спросил он.

– Правду говоря, с утра развёртываем. Никто не помогает. Эти колья и палатки тяжёлые, земля мёрзлая. Потом пока нагрели воду... – жаловалась она, – теперь свёртываемся...

– Насколько я понял, вы хотите практически поработать? – спросил Юрий Владимирович.

– Ну, да. Мы ещё летом прошлого года развёртывали. Хотели бы потренироваться зимой.

– Хорошо, не свёртывайте. Какая производительность вашего пункта?

– 96 человек в час, – ответила она и, прикинув, добавила, – мы их всех за 40 минут пропустим через обмывку.

– Тогда через 30 минут будьте готовы к работе.

Повеселев, девушка убежала.

Через 15 минут подразделения начали частичную обработку.

Гагаринский вместе с Жаруком, Шибаловым и Абрамовым смотрели организацию и ход работы. Убедившись, что обработка организована правильно, Юрий Владимирович дал Абрамову оперативный скачок времени и сообщил, что, согласно ранее намеченному плану, старший врач полка своевременно выслал в состав полкового санитарно-дегазационного пункта обмывочно-дезинфекционное отделение и командир этого отделения только что доложила о готовности к приёму людей на обмывку.

– Ваше решение?

– Дать распоряжение начальнику полкового санитарно-дегазационного пункта лейтенанту Губареву направить подразделения на обмывку, – ответил Абрамов.

К 17-30 мероприятие было закончено, и Юрий Владимирович, поблагодарив девушек ОДП, уехал с Жаруком и Шибаловым, явно показав Абрамову, что недоволен им, но тот не смутился.

Юрий Владимирович был недоволен, молчал, остальные тоже. Жарук не хотел увеличивать возмущение Гагаринского и не сказал ему, что в ожидании приезда Гагаринского Абрамов распорядился организовать обед взводу по окончании занятий. Значит, плюс ко всему взвод был целый день без пищи.

Подъезжая к Артюхам, Юрий Владимирович попросил завернуть в Артюхи и сообщил, что переночует у себя, а завтра утром будет в Староселье, где продолжит работу с Жаруком по ознакомлению с оперативной документацией в штабе полка.

Простившись с Гагаринским, Жарук и Шибалов поехали в Заречье, рядом с Васюками, где Володя должен был сойти.

Ехали «со свистом», как говорил иногда Михайлов, но не галопом. Жарук строго запретил Алексею пускать коня галопом в санках. Только рысью – тихой или полной. За деревней Зелёный Луг совсем стемнело, и повалил снег. Все слилось в белую мглу, и стало совершенно не видно, куда ехать.

– Алексей, – посоветовал Жарук, – а ну, пусти вожжи и не управляй конём. Он должен сам найти дорогу.

– Он пойдет галопом, – ответил Михайлов.

– Ну, посмотрим, дай ему свободу, – настоял Жарук.

Алексей пустил вожжи, и от неожиданности Соловей перешёл на шаг. Затем понюхал дорогу, поднял голову вверх, заржал

и перешёл на рысь. Шёл точно по дороге, так как снег по обочинам был глубокий и, сбившись с дороги, он бы начал стрянуть. Опять нагнул голову книзу и перешёл на шаг. Вдруг пошёл под уклон, но рысью, и не совсем полной.

Володя предположил, что это, видимо, тот подъём, который они днём проезжали. Так и есть. Вскоре въехали в Васюки, и Соловей повернул на Староселье. Пришлось его повернуть на Заречье. Туда было 3 километра. Конём пришлось управлять, и за деревней все поняли, что не доедут. Снег валил по-прежнему, и ничего не было видно ни впереди, ни с боков. Решили повернуть назад и до Староселья положить на коня. Так и сделали. Соловей, поняв замысел, за Васюками перешёл на крупную рысь и через 10 минут благополучно остановился у своего домика и заржал. Володя был в полном восторге от коня, Жарук с Алексеем тоже. Совершили важное открытие: Соловей находит дорогу вслепую, инстинктом!

– Алексей, в сарае укрой коня одеялом, дай сена, воды дай часа через два, когда остынет, – сказал Жарук, направляясь с Шибаловым в домик.

– У меня для него на ужин припасена буханка хлеба, овёс и ваш сахар за два дня, – сказал Михайлов – Сегодня Соловей заработал.

В комнате, когда разделись и зажгли коптилку, Жарук спросил Володю, проголодался ли он и что бы такое приготовить?

– А что есть? – Спросил Володя, широко открыв свои голубые глаза.

– Да вроде что-то есть: картошка, сало, консервы, лук, колбаса.

– А водка? – тут же поинтересовался он.

– Водки много, лично моей, без Алексеевой, литра два, – ответил Жарук.

– Ого! А почему так много?

– Я пью в редких случаях, и Алексей сливает ежедневную мою порцию отдельно, для гостей.

– Тогда давайте поджарим картошки, если Вы не возражаете, – предложил Володя.

– Ну что же, можно и картошки. И они закурили.

– Как вам Гагаринский? – спросил Володя, доверчиво глядя в глаза Жаруку.

– То, что он умный и по-своему хороший человек, это, конечно, тебя не удивит, – ответил Жарук, – но, кроме этого, мне представляется, что Гагаринский – это кладёзь знаний, у него есть чему

поучиться, и то, что я оказался в его подчинении, считаю, мне крупно повезло.

– Это верно, человек он редкий, и я рад, что наши оценки совпали. Капитан Абрамов Гагаринского здорово не любит.

Зашел Михайлов и доложил, что всё в порядке, конь ест сено.

– А что будете кушать вы? – спросил Алексей.

– Вот старший лейтенант не возражает насчёт картошки поджарить. С луком и салом. Сможешь?

– Так точно, всё для этого есть.

И Михайлов ушел в переднюю на кухню.

– Да, – продолжал Жарук прерванный разговор, – это видно. Абрамова не любит и Гагаринский. Сегодня Абрамов показал во всем своем величии, вернее во всем своём ничтожестве, что он больше помеха в деле, чем начальник службы. Как он попал к нам в дивизию?

– Он прибыл в дивизию в 403-й полк до меня, по-моему, в мае 1942-го из резерва фронта.

– Кое-кто, видимо, его раньше познал и выгнал в резерв, – предположил Жарук. А ты откуда сам?

– Я из Москвы, коренной житель. Люблю спеть. У вас гитары нет?

– Этого нет, Володя, мы с Алексеем этим не увлекаемся и не имеем поэтому.

– Жаль. Иногда не мешает отвести душу. У меня там, в артполку, есть гитара. С собой вожу. Когда-нибудь сыграю вам. А кто вам, Александр Павлович, из девушек больше понравился – командир обмывочного пункта 599-го полка или 729-го? – с задором спросил Володя.

– По-моему, обе хороши, в 599-м даже вроде лучше, – ответил с некоторым лукавством Жарук. – А тебе?

– Вы не хитрите, Александр Павлович, в какое сравнение может идти любая девушка с Велой Никольской из медсанроты 599-го стрелкового полка, то есть командиром обмывочно-дезинфекционного пункта? Одно плохо: все её боятся.

– Почему? – с живостью спросил Жарук.

– Понимаете, как только кто с ней познакомится и начинает встречаться, недели не живёт. Погибает. Уже шестой человек. Последним был начальник разведки полка Изюмов. И вот тоже недавно погиб.

– Да, это тяжёлое дело, – немного помолчав, под впечатлением услышанного, ответил Жарук.

– Это у неё как печать отвержения, – добавил он.

– А у вас есть девушка? – спросил Володя.

– Есть, вернее должна быть. На Украине, если жива. А у тебя?

– Моя в Москве. Получаю письма. Мы с ней с детства. Хорошая девушка. У нас с ней больше привычка, чем любовь, мы как родные.

Зашел Алексей и сообщил, что картошка готова.

– Ну, давай водку тоже, – и тут же спросил Володю: – Ты много пьешь?

Улыбаясь, тот ответил, что всех двух литров сразу много, но пол-литра, пожалуй, выпьет.

– Водки не жалко, пойми меня, Володя, правильно, но больше одного стакана не дам.

Потом как бы про себя продолжал:

– С этой водкой пропасть можно, куда ни повернись – стаканами тянут и тебе суют, а столько вредно. Я от нее, например, мало того, что плохо себя чувствую и ослабеваю, а и заметно худею. Вот давай мы с тобой, Володя, заключим договор, устный, конечно, пить не чаще двух раз в неделю всего по 100 грамм, согласен?

– Не совсем. Давайте 3 раза в неделю.

– Ну ладно, ты три, а я один раз в неделю по 100 грамм. Договорились?

– Решено, – ответил Володя, но это кроме сегодняшнего дня. Так?

– Сегодня я чайный стакан приму, как говорили вначале, – добавил Володя.

– Ну, хорошо, – и они выпили за знакомство и приятную встречу.

Картошка была удачно поджарена, и ужин был плотным. Алексей постелил, и перед тем, как спать, Жарук взял кусок сахара и пошел к коню.

Соловей мирно похрупывал овёс, успел остыть и высохнуть. Его одеяло висело сбоку на жердине и сохло. В сарае было тепло и сухо. Потрепав гриву коня и погладив по шее, Жарук пошел в избу.

Так закончился третий день его службы в полку...

Четвёртый день в полку

Юрий Владимирович приехал в 7 утра и тут же отправил своего Пушкаревича с санками обратно в Артюхи.

Жарук как раз натирался по пояс снегом и извинился, что не в форме.

Гагаринский поздоровался и, увидев Володю, с удивлением спросил:

– А ты чего здесь?

Володя объяснил и восторженно отозвался о коне.

– Моя Фенька, по-видимому, так бы не смогла, – предположил Юрий Владимирович. – Впрочем, надо будет как-нибудь попробовать. Это важно.

– Вы завтракали? – спросил Жарук Гагаринского.

– Пил чай и могу позавтракать.

– Да, у нас тут с Володей вчера состоялась важная сделка и договор: водку Володя обещает употреблять три раза в неделю и только по 100 грамм, а я тоже 100 грамм один раз в неделю. Как вы на это смотрите?

– Очень одобряю и присоединяюсь к вам, капитан, тоже буду употреблять не более 100 грамм в неделю.

Михайлов подал гречневую кашу-размазню с консервами, чайники с кипятком и открыл банку сгущённого молока.

– Алексей, – сказал ему Жарук, – сейчас мы с майором уйдём в штаб полка, а ты отвезёшь старшего лейтенанта в Заречье, вернёшься оттуда и жди нас к обеду. Но, возможно, мы не придём. В общем, наполовину жди.

И, повернувшись к Юрию Владимировичу, спросил:

– Правильно я ему сказал?

Простившись с Володей Шибаловым, Жарук с Гагаринским ушли на командный пункт полка.

Начинало светать. Усилился ветер и с юго-запада гнал по небу тяжёлые серые тучи. Где-то далеко справа гроыхало отдельное орудие. На переднем крае было тихо. Снега за ночь подвалило порядком, кое-где перемело дорогу, и они время от времени преодолевали сугробы.

Когда до командного пункта оставалось метров 500, Гагаринский спросил Жарука:

– Знаете ли вы своё положение в полку, капитан? Я имею в виду подчинённость?

– Читал в Уставе, что подчиняюсь командиру полка.

– Правильно, и по уставу, и по штату вы входите в состав управления полка, а не штаба. Вот я и хотел бы, чтобы вы постепенно добились этого положения в полку. С начальником штаба вы, как начальник службы, должны взаимодействовать, но не подчиняться ему. Он за вас не отвечает.

– Я понял. Для этого мне необходимо, кроме Устава, очень внимательно проработать наставление полевой службе штабов, просмотреть штаты полка и ещё что-то предпринять. Подумаю.

– Хорошо. Я это говорю к тому, что если вы не сумеете себя поставить обособленно, как начальник службы, авторитетно, то станете в штабе полка вечным оперативным дежурным, дознавателем, обязательным членом бесконечных комиссий. А дело наше будет страдать. Ну, вот и командный пункт полка, правда совсем в снегу, – продолжил Юрий Владимирович. – Тут должна быть землянка начальника штаба, и мы сначала зайдём к нему.

Юрий Владимирович постучал. Открыл ординарец.

– Майор у себя? – спросил Гагаринский.

– У себя, – ответил за него майор Моисеев, прошу заходить. Мы только встали и завтракаем. Может, и вы с нами?

– Нет. Спасибо. Только что позавтракали.

– Ну, тогда садитесь, я сейчас, – засуетился начальник штаба и принялся за еду.

– Что слышно нового в «верхах»? – спросил он, чтобы что-то сказать.

– В наших «верхах» выпал такой же снег, как и у вас, все тыловые подразделения чистят дороги, – ответил Юрий Владимирович. – А что нового у вас?

Жарук слушал нехитрый диалог и рассматривал землянку начальника штаба полка. Она была просторнее и глубже, чем у командира полка. Сверху настелено пять накатов. У командира – три. Построена добротно, в сруб, с отделением для ординарца, чего у командира полка не было. На стенке висел небольшой портрет Сталина. Пол был дощатый.

Завтракал Моисеев неторопливо и тщательно, время от времени то задавая вопросы Юрию Владимировичу, то отвечая. Всё делал обстоятельно. Его маленькие, глубоко посаженные чёрные глазки под густыми нависшими бровями иногда вскидывали на Юрия Владимировича испытующий взгляд. Были они холодные и затаённые, маскируясь под притворной улыбкой его широкого рта, обтянутого тонкими бесцветными губами. Тёмные волосы были причёсаны гладко. На макушке светилась лысина. Майору на вид было лет 45.

Осматривая землянку и поглядывая на майора, Жарук понимал, что сейчас начнётся хитромудрый диалог, в котором должна быть скрытая, но самая главная цель майора: наложить лапу

на него, Жарука, и таким образом приобрести себе ещё одного нештатного работника, и думал над тем, как не спеша и спокойно отразить нападение.

Минут через пятнадцать Моисеев закончил завтрак, вытер полотенцем руки и рот, встал из-за стола и вышел на середину землянки.

– Значит, новый начальник химслужбы полка, насколько я понимаю?

Жарук встал, назвал свое звание и фамилию, как это предписано Уставом.

– Очень хорошо. Что же вы сразу ко мне не зашли позавчера?

– Начальник химслужбы дивизии представил меня командиром полка, – ответил Жарук.

– Так-так... а начальник штаба полка, значит, не в счёт? – снисходительно и будто с претензией закончил он и предложил сесть. Сам тоже сел.

– С чего начинаем работу? – спросил он уже покровительственно.

– Я думаю, с составления плана работы на 10–15 дней, согласованного с вами, как начальником штаба полка, одобренного начальником химслужбы дивизии и утверждённого командиром полка. Не с оперативного же дежурства по полку, как это спланировал кто-то в штабе, – добавил Жарук и выжидательно посмотрел на Моисеева.

Гагаринский пока молчал и внимательно слушал, но, когда Жарук так прямо сказал насчёт дежурства, тоже выжидательно посмотрел на Моисеева.

– М-да..., значит, Вы отказываетесь от дежурства, – произнес он резко.

– Этого я вам не говорил и, обратившись к Гагаринскому, спросил: Работая в полку, вы сколько раз были оперативным дежурным, товарищ инженер-майор?

– Два раза в месяц, – ответил Юрий Владимирович.

– Учитывая, что для меня обязанности начальника химслужбы полка новые, я смогу дать согласие на оперативное дежурство один раз в месяц, и то это много.

– Так не пойдёт! – отрезал Моисеев. – Один раз в месяц мало.

– Почему мало, Пётр Иванович? По-моему, капитан прав. Он новый, ему надо много работать по службе, – включился Гагаринский.

– Это что, вы его так проинструктировали, Юрий Владимирович?

Жарук встал и спокойно, но чётко доложил:

– Товарищ майор, я со школьной скамьёй расстался давно, и никто меня не инструктировал. Прошу вас, товарищ майор, меня не оскорблять, иначе я просто уйду отсюда, и на этом закончится всё наше сотрудничество!

Моисеев не ожидал такой реакции и понял, что допустил промашку.

Доводить первую встречу до скандала не входило в его расчёты, и он решил, как говорят, спустить на тормозах.

– Я, видимо, не так выразился, товарищ капитан, и мы не поняли друг друга. Пожалуйста, садитесь. Но дежурить раз в месяц все-таки мало, согласитесь, – мягко сказал он.

– Не понимаю, товарищ майор, почему первую встречу между начальником штаба полка и начальником химслужбы полка мы начали с оперативного дежурства? Это же примитивно, согласитесь. Неужели только это может быть главной темой первого нашего разговора?

– Согласен, – и обратился к Гагаринскому, – Юрий Владимирович, как вы хотите построить свою работу?

– Я думаю, начнём с того, что вы нам дадите своего заместителя капитана Колесникова со всей оперативной документацией на оборону полка, – ответил он, – мы и будем с ней сегодня заниматься.

– Хорошо, я сейчас позвоню ему, – и поднял трубку.

Передав Колесникову распоряжение, Моисеев встал из-за стола и, провожая Гагаринского и Жарука из землянки, пригласил пообедать. И к Жаруку: – Вы, товарищ капитан, не обижайтесь, все мы тут не такие уж плохие. Думаю – сработаемся.

Жаруку хотелось сказать, что если, мол, начальник штаба старше по годам и по званию, то над молодежью и покуражиться можно, но промолчал, и они вышли. Юрий Владимирович был в восторге: он не ожидал такой победы.

– Поздравляю вас, Александр Павлович, молодцом! Дело теперь у Вас пойдёт успешно.

– Рад стараться, товарищ инженер-майор, – шутливо ответил он и добавил: – И охота есть. Не удалось майору Моисееву покуражиться над молодежью!

– Да. Вот, если бы все так, – заметил Юрий Владимирович, – работать было бы легко, и дело своё подняли бы на должную высоту.

Землянка оперативной части штаба полка была просторна и состояла из двух комнат. В одной находился оперативный дежурный с телефонами и связными, в другой стояли два стола с оперативными картами и несколько табуреток. Наклонившись над картами, сидели несколько офицеров. Было густо накурено.

Капитан Колесников был человек приветливый и добродушный. Плотно сбитый, среднего роста, с открытым умным лицом. Встретил Юрия Владимировича радушно. Запросто поздоровался с Жаруком и, будто продолжая прерванный разговор, сказал:

– Начнём, очевидно, с плана противохимической защиты и затем посмотрим план боя полка в обороне.

– Можно и так, – согласился Юрий Владимирович.

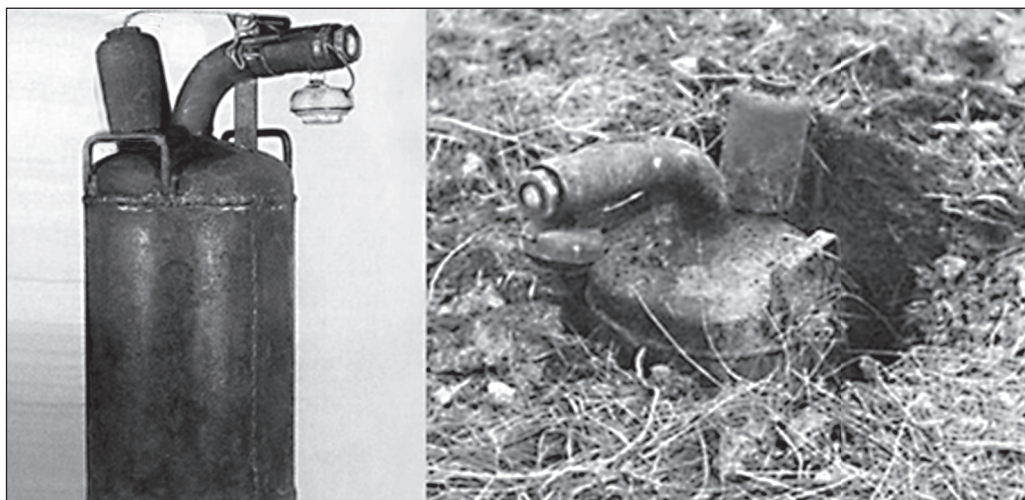
По каждому пункту Юрий Владимирович разъяснял Жаруку мероприятия плана противохимической защиты полка, методически последовательно, просто и доходчиво. Капитан Колесников время от времени увязывал мероприятия плана противохимической защиты с планом взаимодействия подразделений полка в обороне.

В план противохимической защиты входили разделы дымового и огнемётного обеспечения, и ввиду этого Юрий Владимирович заметил, что выражение «план противохимической защиты» будет неправильным и что целесообразнее бы назвать его «план противохимической защиты, дымового и огнемётного обеспечения полка в обороне».

Рассмотрели по порядку все пункты боевого распоряжения по противохимической защите подразделений полка, вытекающий из плана противохимической защиты. Всё это для капитана Жарука было ново, интересно и поучительно.

Рассматривая раздел огнемётного обеспечения, начальник химслужбы дивизии сообщил Жаруку, что в интересах 599-го стрелкового полка на танкоопасном направлении на огневых позициях в районе деревни и озера Чепли развёрнута отдельная рота фугасных огнемётов (рота ФОГ), которой командует капитан Литвинов, энергичный и боевой командир.

Фугасные огнемёты Жарук видел в Калининском училище и представление о них имел. Отметил про себя, что ФОГ безусловно



Огнемёт ФОГ-1. Фото из открытых источников*

превосходит ампуломёт, но имеет тот серьёзный недостаток, что лишён всякой подвижности. Закапывается в землю намертво, ёмкость вроде бидона из-под молока, только с горючей смесью, и направляется в сторону противника.

И если танки противника обойдут рубеж позиций огнемётов, значит, на том их деятельность заканчивается. Они просто пропадают и в бою больше не участвуют. Ну, а если танки противника напорются на огнемёты, то обычно сгорают.

Время за работой шло быстро, и к 15 часам Юрий Владимирович сообщил Жаруку, что проголодался и совсем не возражал бы перекусить.

– Пойдемте в Староселье к Михайлову, там и пообедаем. К тому же, я считаю, основное мы посмотрели. С остальным я разберусь сам.

– Согласен, пойдемте, – ответил Юрий Владимирович.

Не успели выйти из землянки, как на пороге появился ординарец Моисеева и доложил Юрию Владимировичу:

– Товарищ майор, вас и капитана зовёт начальник штаба.

– Что же, пойдем, раз зовёт, начальство положено слушать, – шутиливо ответил Гагаринский.

В землянке начальника штаба на этот раз было чисто прибрано, даже помыт пол и пахло свежестью. Стол накрыт на троих.

* <https://dzen.ru/a/XJ6rD9lZ3ACzGaYe>.

Из алюминиевых мисок дымились щи. Майор Моисеев разыгрывал гостеприимного хозяина.

– Как оперативная документация в химслужбе, Юрий Владимирович, не устарела?

– Немного устарела, месяц прошёл, как я над ней работал, но мы сейчас одновременно с ознакомлением внесли с капитаном необходимые изменения.

Сели за стол, и начальник штаба предложил тост за деловое сотрудничество служб и штаба полка и с хитринкой посмотрел на Юрия Владимировича.

– Я лично за деловое сотрудничество и активное взаимодействие начальников служб и офицеров штаба полка, но, извиняюсь, пить не буду, – ответил Жарук на тост. И, отвечая на вопросительное выражение лица Моисеева, продолжил: – Не могу каждый день, сопротивляется душа.

Юрий Владимирович поддержал и тоже отказался.

– Но понемногу можно, на фронте положено, – убеждал хозяин.

Чтобы не затягивать формальный диалог, все подняли алюминиевые 400-граммовые кружки, налитые почти доверху водкой, чокнулись, и Жарук с Юрием Владимировичем, пригубив, поставили их на стол, а Моисеев выпил до половины, тоже поставил, и все начали торопливо закусывать.

– У нас, капитан, – обратился Моисеев к Жаруку, – введена в практику еженедельная проверка состояния боеготовности боевых порядков полка офицерами штаба и начальниками служб. Как вы на это смотрите? Можно вас включить в такие проверки?

Сделав небольшую паузу для приличия, Жарук ответил:

– Думаю, можно, при условии, что вся группа проверяющих на инструктаже получит указание, что топограф полка, или начальник связи, или полковой инженер, например, будут проверять не только вопросы пристрелки оружия, несения дежурства в боевом охранении или в пулемётных ячейках, но и мои вопросы противохимической защиты. А перечень таких вопросов я дам каждому проверяющему на инструктаже. Согласны с таким примечанием?

– Согласен, это целесообразное примечание. – А где вы будете жить? – ещё спросил Моисеев.

– Пока нет боевых действий, ночевать буду в Староселье, а работать буду в штабе или в батальонах, согласно своему плану

работы. Копию плана могу оставить вам или Колесникову для сведения. Оперативный дежурный всегда будет знать, где меня найти.

Моисеев не возразил и, повернувшись к Юрию Владимировичу, начал разговор о том, что командный пункт полка предполагается перевести в деревню Щебино, на правый фланг полка. Одновременно 403-й стрелковый полк выводится во второй эшелон дивизии, имея главную задачу обеспечить стык с правофланговой 4-й ударной Армией.

Поговорили ещё о событиях под Сталинградом, о международной обстановке и начали прощаться.

Короткий зимний день подходил к концу. Начало темнеть. Со стороны Веленской высоты немцы вели методический артогонь, изредка рокотали пулемёты. Небо было чистое, густо усеянное звёздами, а на востоке над лесом поднималась полная красная луна.

Юрий Владимирович решил заночевать в Староселье с тем, чтобы утром поехать на командный пункт дивизии и заняться оперативной документацией.

Проделанной работой в полку он был доволен, и мысли его были направлены на техническое совершенствование имеющейся боевой техники химических подразделений и дальнейшую отработку вопросов их боевой слаженности в зимних условиях.

– Вечером Жарук составил план работы на 15 дней, и Юрий Владимирович с небольшими изменениями завизировал его. Закончился 4-й день пребывания Жарука в полку.

Командный пункт в Щебино

Прощаясь утром после завтрака, Юрий Владимирович напутствовал Жарука: «С Моисеевым будьте осторожны, немногословны и ведите себя так, как сегодня. В полку ещё есть майор Симбирев – заместитель командира полка по строевой части, бывший кавалерист, человек грубый, нахальный, но дружеский. Нашу службу не понимает и не любит. Это все надо иметь в виду. В остальном посмотрите сами, и мы поговорим при встрече. Ну, всего Вам хорошего». Юрий Владимирович с чувством пожал руку Жаруку и сел в санки.

Деревня Щебино расположена на возвышенности, в четырёх километрах от линии фронта. Перед передним краем обороны противника длинной узкой полосой от деревни Рябики на правом фланге полка, около деревни Кисели и до деревни

Чепли полуостровом врезалась красивая, даже зимой, роща с вековыми липами и березами. В роще находилось сельское кладбище.

В тот же день Жарук в штабе полка узнал, что получено из дивизии боевое распоряжение передислокации командного пункта на правый фланг в деревню Щебино к утру 3 января.

Возвратившись в Староселье, Жарук решил ехать в Щебино немедленно, оставив ампуломётный взвод полка на прежнем месте. Сборы были недолги, и, миновав деревню Жигалово и Осиновку, знакомые Жаруку ещё с лета прошлого года, когда он командовал 151-й отдельной ротой химзащиты и дислоцировался в Осиновке, он подъехал к Щебино.

В деревне были дома, но без жителей, брошенные, не закрытые. Кое-где валялись предметы домашнего обихода, и нигде признака жизни. Пока Жарук оценивал Щебино с позиций командного наблюдательного пункта полка, Алексей Михайлов выбрал избу с сараем для коня и размещения.

Из Щебино оборона противника просматривалась вглубь на 10–12 км. Наша тоже. Было ясно, что, как только противник заметит в Щебино движение, артобстрел последует немедленно.

Часа через два прибыли обслуживающие подразделения штаба полка – комендантский взвод, рота связи, саперы, хозяйственники, а ещё через час-полтора офицеры штаба и командование. Началось обустройство на новом месте. Вскоре стемнело, и первая ночь прошла спокойно. Противник не заметил.

На второй день, перед заходом солнца, немцы выслали самолёт-разведчик «Костыль», как мы его называли, и начали медленно и внимательно просматривать нашу оборону.

Стрельба наших зениток его особенно не тревожила, и в Щебино он, по-видимому, что-то засёк, так как с наступлением темноты начался интенсивный артобстрел. Огонь противник вёл двумя батареями из 105-миллиметровых орудий, и когда снаряды попадали в дома, то взрывами сносило крыши или разрушало стены. Артобстрел велся методически, через каждые 10 минут. В один из налётов снаряд разорвался во дворе, где остановился Жарук с Алексеем, осколками выбило окно и повредило печь. Соловей в сарае тревожно заржал.

– Алексей, может погибнуть конь, немедленно в Осиновку, а утром я приду к тебе, – распорядился Жарук.

– Слушаюсь, товарищ капитан, а как же вы? Где вас искать в случае чего?

– Спросишь у оперативного дежурного, я где-нибудь пристроюсь.

Ночь была беспокойная. Противник обстреливал деревню до полуночи.

Наша артиллерия по приказу командира полка вела контрбатарейную стрельбу. Огневой бой разгорелся с утра следующего дня. Подключилась дивизионная артиллерия, и начало греметь по обе стороны на всей полосе обороны дивизии.

В оперативной части штаба суетились офицеры, часто звонили телефоны. Командир полка подполковник Назаров приказал все землянки командного пункта строить под домами и соединить их ходами сообщения полного профиля. Работали только ночью. Днем никакого движения.

Капитан Жарук провёл ночь без сна, в оперативной части штаба над оперативной документацией, и ближе познакомился с заместителем начальника штаба капитаном Колесниковым, а также с начальником артиллерии майором Редько и начальником связи полка инженер-капитаном Кантером.

Утром, после завтрака, начальник связи Кантер пригласил Жарука в землянку, где размещался он и начальник артиллерии майор Редько. Говорили о боевой обстановке, об ограниченном лимите снарядов мин, отпускаемых на день боя и боях под Сталинградом. Жарук поспал два-три часа и затем решил сходить к начальнику штаба и принять оперативное дежурство по полку. Зайдя к Моисееву, он доложил просто:

– Товарищ майор, прошу разрешения мне принять оперативное дежурство, имею для этого время.

Начальник штаба с чувством пожал руку Жаруку и, довольный, согласился.

Как новый работник в полку, Жарук решил службу нести чётко и вдумчиво. Быть в курсе обстановки, как в боевых порядках полка, так и соседей. Обо всех изменениях докладывать оперативному дежурному дивизии и командованию полка.

Вечером пришёл Алексей Михайлов, доложил, в каком доме разместился в Осиновке, и принес еду. Потянулись боевые будни в обороне.

Жарук понравился начальнику связи полка инженер-капитану Кантеру и начальнику артиллерии майору Редько, и они

предложили ему жить вместе. Позже туда поселился и заместитель командира полка майор Симбирев, человек малоцивилизованный, но весёлый и компанейский. Ко всем им Жарук внимательно присматривался, был вежлив, но немногословен. Фронтовые тревоги, трудности и ежечасная неопределённость жизни каждого объединяла и сближала всех обитателей землянки, но водки Жарук не пил. Это как-то, с одной стороны, отделяло его от остальных, а с другой – вызывало интерес и даже уважение к нему.

Жарук работал строго по составленному им и утверждённому командиром полка плану. Проверял подразделения, проводил занятия с офицерами, работал над оперативной документацией и занимался своими спецподразделениями – ампуломётным и взводом химзащиты.

На крайнем доме Щебино, со стороны противника, он организовал свой химический наблюдательный пункт (ХНП), а под домом приказал построить землянку для наблюдателей. На крышу дома и в землянку с помощью Кантера провели телефонную связь и установили соответствующую сигнализацию. Наблюдателей снабдили средствами наблюдения, сигнализации, защиты и инструкциями. Взвод химзащиты старшего лейтенанта Резяпкина менял наблюдателей через каждые семь дней. Жарук строго следил, чтобы химики ХНП были обеспечены всем необходимым, непрерывно и исправно несли службу.

На фронте офицерам был положен дополнительный паёк: две банки консервов (обычно камбала), сахар, галеты и сухая колбаса. Паёк выдавался один раз в месяц.

Как-то после работы в боевых подразделениях Жарук вернулся с передовой довольно усталый и застал всю честную компанию за вечерней трапезой: все получили дополнительные пайки и ужинали. С водкой, конечно. На столе всего было навалом.

– Доставай свой паёк и садись, – распорядился Симбирев, – решили уничтожить за один присест.

– Почему за один? – поинтересовался Жарук.

– Если завтра убьют, жаль, добро останется, – за всех ответил Редько.

– Понятно, – ответил Жарук, – вы явно не боитесь испортить фигуры.

Засмеялись. Жаруку пришлось принять участие и выпить 100 грамм.

После ужина майор Симбирев рассказал некоторые дикие случаи из своего далёкого детства. Затем в порыве детской шалости, показывая на очки Кантера, с хохотом сказал:

– Яша, ты очки залепи бумагой, как окна в Москве, чтобы при бомбёжке стекла не полопались.

Яша что-то буркнул и полез на свой топчан.

Немцы начинали очередной артобстрел...

Заместитель командира полка майор Симбирев был человек довольно энергичный, общительный, компанейский, но хулиганский и нахальный. В выражениях не стеснялся и, как потом убедился Жарук, был лишён всякого страха.

Майор Редько, начальник артиллерии полка, всегда суетливый, знающий свое дело, любил вступать во всякий разговор и считал себя большим стратегом, любил службу, был добряком и всегда пропадал в подразделениях.

Инженер-капитан Яша Кантер, помощник начальника штаба полка по связи, москвич, интеллигентный, умный, лет 45, в очках, выглядел много старше своих лет, обладал избытком самомнения, говорил редко и был всегда угрюмый, войну переносил страдальчески.

К Жаруку первые дни присматривались, затем приняли в свою компанию на равных.

Дни проходили в непрерывных заботах по службе, проверках, занятиях, служебных совещаниях, в работе над оперативной документацией. Жарук побывал в тылах полка, познакомился с заместителем командира полка в тылу майором Лисовым и начальником военно-технического снабжения (ВТС) полка старшим лейтенантом Колодежанским, проверил наличие, состояние и условия хранения военно-химического имущества на складе полка.

Приближалось 16 января – день рождения Жарука. Исполнялось 22 года жизни на этом свете. Затишье на фронте позволяло отметить день рождения. Но как? В кругу четырёх обитателей землянки Жаруку не хотелось. Это значит пьянка, примитивные разговоры. С Юрием Владимировичем Гагаринским нельзя, ещё рано, можно пересолить. Тогда с кем же? Оставался Вася Шевчук – начальник химической службы 729-го стрелкового полка и Володя

Шибалов – начальник средств химзащиты артиллерии полка. Ну, а зачем Володя? Парень он хороший, но знакомы они недавно, к тому же любимец Юрия Владимировича, может передать, а тот будет думать, расспрашивать. «Ну, а если Володя спросит при встрече, отмечал ли день рождения, – продолжал думать Жарук, – скажу, что дежурил, или просто позабыл, тем более что дата не круглая». А с Васей Шевчуком надо встретиться и поговорить по душам. Ведь как-никак четвёртый год дружим. Подготовиться надо, чтобы была приличная еда и выпивка.

Днем 15 января они с Алексеем съездили в тыл дивизии, и по старой памяти ещё с Балахны, где формировалась 145-я стрелковая дивизия, Жарук зашел к своему старому знакомому подполковнику Внукову – заместителю командира дивизии по тылу, который относился к Жаруку с симпатией.

Подполковник Внуков встретил Жарука радушно, пригласил пообедать, много расспрашивал и рассказывал о своих делах и затруднениях.

Упрекал командира автороты капитана Кохненко, с которым Жарук находился в Балахне в одно время в одной квартире и хорошо его знал.

На прощание разрешил выписать и отпустить Жаруку 2 литра коньяка, 5 литров вина, разных консервов, колбасы, копчёной рыбы, папирос «Казбек» и попросил этим поделиться с командиром полка подполковником Назаровым. Передать ему привет как старому приятелю ещё с Балахны.

Назаров был сердечно тронут таким вниманием заместителя командира дивизии и сказал, что как-то надо бы им увидеться.

Вечером Жарук позвонил в 729-й полк старшему лейтенанту Шевчуку, и они договорились о встрече в Осиновке на следующий день, 16-го января, утром.

Алексей Михайлов в Осиновке устроился отлично. К избе впритык подходил тёплый сарай для Соловья, вход к которому был из сеней. Таким образом, украсть коня снаружи нельзя было. Санки тоже надёжно прятались.

В Осиновке размещалось артснабжение и военно-техническое снабжение полка, у которых была телефонная связь со штабом. Жарук решил переночевать в Осиновке, предупредив оперативного дежурного и начальника связи Кантера, где найти его, если понадобится.

День рождения Жарука

Старший лейтенант Шевчук Василий Евсеевич* подъехал утром к 10 часам.

День был пасмурный, изредка пролетал снег и усиливался ветер. Конь у Васи был простой, обозный, но хорошо упитанный и энергичный. Ординарец – молоденький солдат из-под Ярославля, очень подвижный и старательный, звали его Гриша. Санки были лёгкие, плотно набитые сеном.

Жарук и Алексей встретили гостей у крыльца и ввели в дом.

У обоих было легко и радостно на душе: встреча двух друзей после долгой разлуки на фронте была редкостью, и они понимали и чувствовали это.

В комнате было тепло и уютно. Вася разделся, сел за стол, и они закурили.

– С чего начнём? – спросил он, – столько всяких событий за полтора года произошло, что трудно всё охватить.

– Да, охватить трудно, – согласился Жарук, – много событий, но начнём пока с тебя. Как ты попал в 145-ю дивизию?

И Вася рассказал об окончании Калининского военного училища ускоренным порядком, за один год, о том, кто из знакомых



Капитан В. Е. Шевчук.
Друг А. П. Деревянчука. 1944 г.

* Друг А. П. Деревянчука Василий Евсеевич Шевчук. Они вместе учились в Калининском военном училище. Воевали в одной дивизии, потом в разных дивизиях 43-й армии начальниками химслужб дивизий. После войны служили в Северо-Кавказском военном округе. Через некоторое время А. П. Деревянчука направили служить в бухту Провидения Дальневосточного военного округа. В 1956-57гг., оказались вместе на высших академических курсах Военно-химической академии в Москве.



Полковник Ф. К. Михайлус
(1901-1976)

командиров и преподавателей уехал на фронт, а кто остался в училище, и как он попал сюда.

Жарук рассказал, что в первые дни войны попал в 675-й отдельный батальон связи 31-й Армии, штаб которой дислоцировался в Ржеве и прослужил в батальоне начальником химической службы до августа 1941 года, затем был переведён в химический отдел 31-й Армии к полковнику Михайлусу помощником по снабжению. Занимался там снабжением дивизий Армии зажигательными бутылками против танков, которые выпускал Ржевский спирт-завод. Проработал до октября 1941-го и вынужден был уехать в 110-ю стрелковую дивизию командиром 332-й отдельной роты химической защиты, так как

полковника Михайлуса перевели начальником химических войск Юго-Западного фронта, вновь сформированного, после поражения под Киевом.

«Вместо Михайлуса в должность начальника химвойск вступил подполковник Блюмкин, который вместо меня привел капитана Абрамовича, а мне предложил стать его адъютантом, от чего я с отвращением отказался. 110-я стрелковая дивизия на другой день после моего прибытия была погружена в эшелоны и переброслена под Москву в район города Боровска, затем передвинута под Наро-Фоминск».

332-я отдельная рота химзащиты специальной техники не имела, была вооружена обычными винтовками и двумя ручными пулеметами. Ввиду этого роту придавали на усиление какому-либо стрелковому батальону или использовали для охраны штаба дивизии. После сдачи нашими войсками Боровска немцы продолжали остервенело рваться к Москве. В ночном бою 30 октября 1941 года

Жарук был тяжело ранен в левое плечо. Эвакуировали его в город Горький, где он лечился до конца декабря, и под новый 1942 год после излечения был направлен в Балахну на формирование 145-й стрелковой дивизии командиром 151-й отдельной роты химической защиты. 20 февраля 1942 года в составе 145-й стрелковой дивизии прибыл на Калининский фронт в 4-ю ударную Армию.

Затем Жарук рассказал, как командовал на сборах отдельных рот химической защиты 43-й Армии, отдельным сводным химическим батальоном три месяца и за что был снят и переведён начальником химической службы 599-го стрелкового полка в виде наказания.

– Да, – заключил Вася, – ты уже был в некоторых переделках и немного хватил горячего. А Гагаринского ты раньше знал?

– Нет, не знал. Слышал такую фамилию в Балахне, но не знал лично. А что?

– В общем, человек он неплохой, но чем-то я ему не понравился, – сказал Вася с горечью.

В это время появились в дверях ординарцы – Алексей с бутылками и Гриша с дымящейся картошкой и закусками.

Когда накрыли стол, и ординарцы ушли, Жарук с другом выпили за встречу. Закусили, перекидываясь некоторыми фразами. Затем закурили, и Вася спросил о Марусе.

– Встреча с Марусей не получилась. Она из Одессы уехала в Крым на практику с университетом. Там, по-видимому, её застала война. Так что я её не увидел. А ведь была назначена свадьба...

Помолчали. Затем Жарук продолжил:

– Ты скажи, Вася, что такое война, зачем она? Почему между людьми и государствами такая страшная ненависть? Сколько гибнет людей, кровь льётся рекой, ради чего всё это? В битве под



Капитан А. П. Деревянчук
(в центре) перед отправкой
на фронт после госпиталя.
Декабрь 1942 г.

Москвой я видел много убитых с обеих сторон, сам чудом уцелел, и многое мне непонятно, просто многое терзает душу.

Ради чего всё это? Мы – понятно. перед войной мы жили хорошо и защищаем своё, свою землю, свой народ. Но я не понимаю, не могу понять, чем руководствуются немцы? Что ими движет? Почему они так остервенело лезут на чужое, грабят, убивают даже женщин и детей? Почему? Многие об этом пишут в газетах, говорят по радио, но я хочу осознать сам, проанализировать свои впечатления за полтора года этой бойни. Опять же мы – понятно, но немцы, что такое немцы? Что за люди? И возникает в связи с этим вопрос: что такое человек вообще? Какая его сущность?

С одной стороны, человек – это что-то светлое, неизмеримо прекрасное: Бетховен, Моцарт, Штраус, Шуберт, Россини, Чайковский, Пушкин, Глинка, Лермонтов, Толстой, Чехов, многие ученые, художники. А с другой, немцы – вандалы, грабители, костоломы, варвары, мракобесы. Что ими движет? Военная машина? Инстинкт наживы? Это так, но не полностью. Что-то ещё...

– Да, многое действительно непонятно. Сложные это вопросы. Давай лучше выпьем за твой день рождения. Ты здорово приготовился.

Выпили, и Жарук продолжал:

– Я где-то читал, по-моему, у Свифта, что люди ненавидят друг друга больше, чем животных других видов. Думаю, что это так. Написано правильно. Отсюда ненависть между государствами, особенно с различным социальным строем. Но почему немецкая ненависть такая остервенелая? Я раньше думал, что о зверствах немцев к нашему народу наши газеты и радио пишут и говорят так, ради пропаганды. Но когда в составе 145-й стрелковой дивизии в феврале прошлого года я прошел 500 км по освобождённой территории Калининской области, следуя на фронт, я видел собственными глазами немецкие виселицы, дотла сожжённые деревни и лично разговаривал с крестьянами и убедился, что наши газеты пишут и говорят по радио правильно, немцы действительно звери. Но затем много раздумывал, почему звери? У того же Свифта верно сказано тоже, что развращённый разум человека хуже звериной тупости. Но непонятно, чем развращённый? Инстинкт наживы, военная машина, вообще власть не могут развратить разум до степени звериной тупости. Что же тогда? Пожалуй, идеи, фашистская идеология расизма, что немцы – избранная раса, что они надчеловеки, а все

мы неполноценные люди, недочеловеки. В этом вся сущность, всё зло. И весь ответ. Правильно пишут и говорят, что немцев надо безжалостно истреблять, и дай Бог нашим войскам дальнейших успехов, в том числе и здесь, на нашем фронте.

– Все это так, со всем, что ты сказал, я согласен, – подытожил Вася, – и чтобы был дальнейший успех, я думаю, нам нужно больше обеспечить наши войска боевой техникой и вооружением, но вот что ты думаешь насчёт химии, применят немцы отравляющие вещества или нет?

– Думаю, могут применить. В первую мировую войну, накануне своего полного поражения, немцы выпустили 100-тонный танк «Мышонок» и орудие «Берта», которое обстреливало из Германии Париж на расстояние 150 км, и применили отравляющие вещества. Что их остановит теперь?

Немецкий танк
«Мышонок».
Фото из открытых
источников*



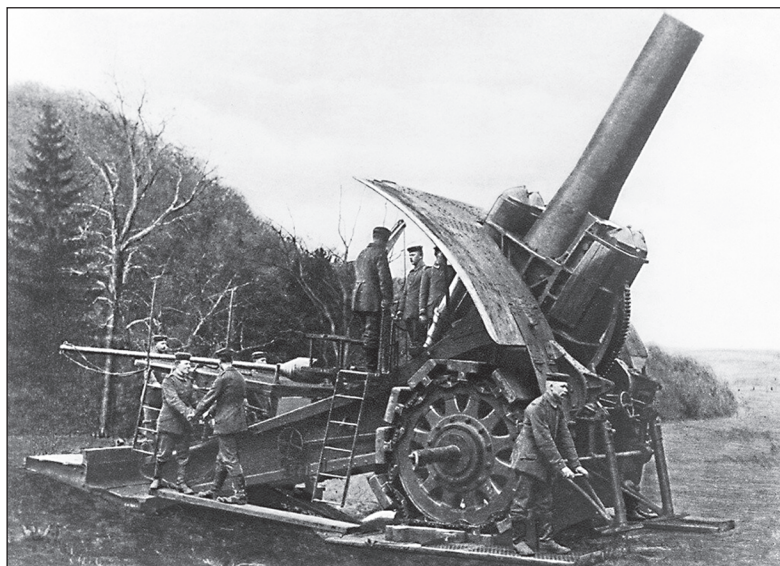
– По-моему, чем больше будет обозначаться их поражение, тем больше будет нарастать угроза применения немцами отравляющих веществ. Это моя личная точка зрения, и был бы очень рад, если ошибаюсь.

– Я тоже думаю, что могут применить, но не совсем ясно представляю, как мы будем воевать в этом случае, – задумался Вася.

– Думаю, сначала плохо. Будут у нас неизбежные тяжёлые потери, потому что командиры наши, особенно в звене полк – дивизия,

* <https://dzen.ru/a/Y2P9zEWyft5CqrGh>.

да и выше, в военной химии – невежды, зачастую совсем тёмные, а в химической войне на арапа не возьмёшь. Тут нужна соответствующая подготовка, нужны знания, чёткость и аккуратность в работе, высокая химическая дисциплина. И ещё, не менее важно – нужны технические средства химического нападения и защиты. На одних подручных средствах в химической войне далеко не уедешь. Понесём мы невосполнимые потери и в военных химиках – больших и малых. Одних расстреляют, дабы свернуть вину неподготовленности на «стрелочника», другие погибнут сами из-за той же технической неподготовленности к химической войне. Я лично не совсем верю, вернее, совсем не верю, что мне лакмусовая бумажка на химическом наблюдательном пункте роты или силикагелевый наполнитель в индикаторной трубке прибора химической разведки покажет, какое отравляющее вещество применяет противник. Поэтому вынужден буду определять его органическим способом сам, то есть нюхать. Ну, а нам с тобой известно, что его для человека не очень много надо. В дальнейшем, когда будут извлечены первые уроки, после перенесённых потрясений, дело наладится. Из глубины страны навстречу бегущим в панике от отравляющих веществ войскам будут поданы технические средства химической защиты и нападения. Появятся и химические полководцы и герои, но всё это будет уже без нас... Конечно, хорошо было бы без всего этого обойтись, но всё это очень может быть.



Немецкое
орудие
«Берта».
Фото
из открытых
источников*

* <https://topwar.ru/140759-kondensator-i-transformator-o-pochti-minometah.html>.

– Если мы, дорогой Вася, ценой огромных территориальных и людских потерь в этой войне научились строить, и то по-настоящему ещё не везде, противотанковую оборону, то противохимическую оборону войск во всех звеньях строить значительно сложнее. Там видно, как движется танк или танки противника, и как и чем по ним бить, а отравляющие вещества видно не всегда, и не всегда ясно, как и чем от них защищаться. В этом сложность. Для этого должна быть неослабная химическая разведка, как войсковая, так и агентурная, наблюдение за противником, постоянная готовность войск к защите от химического нападения и готовность нашей артиллерии и авиации сорвать готовящееся химическое нападение ударами с воздуха и ударами артиллерии по рубежам и огневым позициям артиллерии и миномётам противника, готовящего химическое нападение. Всё это должно быть. Должно! Но это ещё пока не на уровне, и мы, химики, со своей службой находимся пока в имитационном состоянии. Вот такая моя оценка перспективы вероятной химической войны с немцами. Оценка личная, как говорится, не для печати.

– Ещё хочу добавить некоторые рассуждения о тактико-оперативных принципах применения ОВ (отравляющих веществ). Во всех немецких наставлениях и руководствах красной нитью проходят три принципа применения ОВ: массовость, широкий фронт, внезапность.

Немцы считают, что только в этом случае, то есть при наличии этих трёх принципов, можно рассчитывать на успех применения ОВ. И ещё немцы считают отравляющие вещества оружием наступательного характера. А ты, Вася, что ты знаешь о наших взглядах на принципы применения ОВ, и как мы рассматриваем химическое оружие – наступательного действия или оборонительного?

– Нет, не знаю, – как-то почти виновато сказал Вася. – А ты?

– Я не знаю! Не потому не знаю, что я неграмотный в этом деле, – ответил Жарук, – а потому, что нигде об этом не говорят и не пишут, ни в закрытой, ни, тем более, в открытой печати. Может быть, под семью замками и печатями какие-то доктрины и выработаны, но ни артиллеристы, ни миномётчики, которые должны осуществлять химические удары, об этом не ведают, и никто их не просвещает. А может быть, вообще, ещё ничего этого просто нет.

– Да, все это досадно, – заключил Вася.

– Ладно, – продолжал Жарук, – давай поговорим на злобу дня: что ты думаешь о событиях под Сталинградом, как ты оцениваешь сложившуюся обстановку?

– События грандиозные, конечно, и очевидно, что мы теперь погоним немцев до Днепра. Сейчас, когда окружённого под Сталинградом Паулюса Рокоссовский добивает, наши войска подходят к Ростову, Харькову, Орлу. А там и до Днепра не очень далеко – сказал Вася.

– До Днепра, Вася, думаю, ещё не получится. Должна быть пауза, и немалая. Надо подтянуть тылы, наладить снабжение и пополнить войска. Кроме того, немецкая группа армий «А», которая шла на Кавказ, после разгрома под Сталинградом возвращается назад к Ростову, из опасения быть отрезанной. А это значит, сократится у немцев фронт наступления и увеличится плотность войск. Следовательно, и нам надо подтянуть силы из глубины для создания превосходства в наступлении. Так что без паузы не обойтись. Воевать нам придётся ещё долго, но, самое главное, перелом в войне произошёл, и воевать мы почти уже научились. Это радует.

День клонился к вечеру, и они решили сходить к телефону позвонить в свои полки, погода прояснилась, чисто садилось солнце за Веленскую высоту, и оранжевые вертикальные столбы около заходящего солнца предвещали мороз. На левом фланге дивизии, где-то у озера Рытое, шла контрбатареинная стрельба, но на участке полка было спокойно.

На небе медленно летел немецкий самолёт-разведчик «Костыль», шаря по нашей обороне, словно коршун. По нам никто не стрелял.

По телефону Вася узнал, что в его полку всё спокойно, а Жаруку капитан Колесников сообщил, что на следующий день в 09:00 командир полка собирает офицеров для вручения погон.

Возвращаясь к себе, они разговорились о погонах.

– Мой командир полка, подполковник Рогов, сказал, что в гражданскую войну воевал против золотопогонников и поэтому погоны не наденет, – заметил Вася.

– А мой подполковник Назаров, – ответил Жарук, – наоборот, очень восторженно отреагировал на введение погон, говорит, что военнослужащий без погон внешне не полностью оформленный. Я думаю, раз приказано, то наденут все: и твой Рогов, и мой Назаров. Мне лично досадно то, что я, как капитан, со шпалой в петлицах

из группы старших офицеров, теперь, с введением погон, перейду в группу младших, с одним просветом. Теперь только майор, подполковник и полковник будут относиться к группе старших офицеров. Но это не беда, будем и мы с тобой майорами, если доживем. Поэтому тост: за погоны!

Вспомнив о своих занятиях с офицерами штаба полка утром следующего дня, Вася решил ехать. Жарук вызвал Михайлова и распорядился запрягать. Надо было и проводить гостя, и размять коня: Соловей застоялся.

Была зимняя лунная ночь. По небу хороводом рассыпались звёзды. Чистый морозный воздух бодрил тело, а резвый бег красивого Соловья радовал душу. Алексей правил лихо. Они сидели рядом на санках Жарука, а Васин ординарец Гриша на санках едва поспевал.

Выехали за деревню, и Вася задал уже традиционный вопрос:

– Ты не боишься, что у тебя такого коня заберёт начальство?

– Вообще, боязно, в этом мире у меня ничего нет, кроме этого коня, я его берегу, как украденную красавицу. Пока никто не видел. Но если начнут отбирать, постараюсь отстоять, возможно даже с оружием в руках. Так, что ли, Алексей?

– Так точно, товарищ капитан, мне не впервой! В его голосе чувствовалась решительность и готовность драться.

Жарук ненавидел жестокость, глубоко уважал гуманность, разум у людей и справедливость. Михайлов понимал, чувствовал это и был привязан к Жаруку какими-то невидимыми нитями, прочным и светлым чувством.

В деревне Синявино в штабе 729-го стрелкового полка они расстались с Шевчуком.

А утром Жарук вернулся из Щебино в погонах капитана, с одним просветом и четырьмя звездочками, вручил погоны и Михайлову, которые он воспринял безразлично. Оставшееся после дня рождения вино отдал Алексею, а коньяк велел сохранить для гостей.

Вечером ушел в штаб, а затем на передовую в боевые порядки.

Ни вашим, ни нашим

На самом правом фланге полка, на стыке с 4-й ударной Армией, оборонялась 1-я рота 3-го батальона 599-го стрелкового полка, командовал ротой капитан Немцев.

Жарук и Немцев обошли район обороны роты, проверили обязанности солдат у пулемётов, ротных миномётов и вернулись в свою землянку. Но не успели раздеться, как грянул артиллерийский миномётный налет противника. Плотность огня была высокая, и капитан Немцев выразил предположение, что противник берёт «языка». Вскоре позвонил командир батальона, и затем командир полка – с приказом доложить им обстановку. Командир роты доложил, что немцы ведут заградительный огонь по опорному пункту 1-го взвода, цель – захват «языка», и попросил нашей артиллерией подавить огонь противника. Минут через 15 все стихло, и они оба побежали в 1-й взвод.

Командир взвода доложил, что немецкая разведка захватила нашего солдата, прибывшего со вчерашним маршевым пополнением из Средней Азии. Говорить по-русски не может.

Это было, конечно, тяжёлое происшествие, и Жарук предложил командиру роты срочно доложить командиру полка.

Выслушав доклад, командир полка выразил недоумение: «Как могли немцы пройти безнаказанно через наши минные поля и проволочные заграждения» – и приказал передать трубку капитану Жаруку.

– Немедленно начните дознание и доложите об этом прокурору дивизии!

Жарук попытался было сослаться на то, что капитан Немцев его приятель и что дознание на приятеля не положено проводить, но это не помогло. Дознание начать пришлось. Прокурор дивизии майор юстиции Бармин тоже пропустил мимо ушей о «приятеле» и приказал предоставить материал к исходу следующего дня лично ему для передачи в военный трибунал.

Жаруку впервые пришлось испытать несовместимость тяжести законов военного времени и дружеское отношение к человеку. К тому же вины командира роты Жарук не усматривал. В роте Немцева было 120 человек, в основном из Средней Азии, 50 % из которых не говорили по-русски. Ротный район обороны оборудовался другим подразделением, которое капитан Немцев своей ротой сменил неделю назад. Все это были смягчающие вину обстоятельства. Но непрерывное наблюдение за противником должно вестись днём и ночью, иначе как же немцы под носом наблюдателей смогли разминировать проходы в минном поле и проделать ходы в проволочном заграждении? Это была вина ротного и взводных

командиров. К утру материал дознания в черновике был готов с сильным креном в сторону защиты командира роты, и они оба решили позавтракать. Затем час-другой отдохнуть.

Но не успели допить чай, как в землянку вбежал командир 1-го взвода и доложил просто невероятную вещь:

– Немцы отправили захваченного вчера «языка» обратно в роту с надписью на спине «ни вашим, ни нашим» и положили ему полную каску каши.

Жарук предложил капитану Немцеву лично проверить достоверность доклада и немедленно доложить командиру батальона, полка.

Выслушав доклад, командир полка не поверил и попросил передать трубку Жаруку. После доклада Жарука приказал ждать дальнейших указаний.

Часа через три поступило решение командующего 43-й Армией, пока устное: командира роты капитана Немцева разжаловать до старшего лейтенанта и назначить командиром взвода, остальным должностным лицам – командиру батальона, полка – выговор. Командиру дивизии, генералу Волкову, как потом узнал Жарук, – поставить на вид. Прокурор дивизии предписал дознание прекратить.

Свернув не туда

Шли дни, недели, месяцы. Служба в полку для капитана Жарука приобрела будничный порядок. Проверка обороны полка, оперативное дежурство, организация занятий по противохимической подготовке с офицерами, оперативная документация занятий по противохимической подготовке с офицерами, оперативная документация, обеспечение средствами защиты.

В конце февраля вдруг потянуло весной, несколько дней стояла оттепель, затем подморозило, надвинулись чёрные тяжёлые тучи, и повалил снег. Дороги стали непроезжими. Рассыпанные на огромных просторах деревеньки были похожи на ласточкины гнёзда, затерянные в снегу.

Жарук иногда навещался в Осиновку к Михайлову, и для разминки впрягали Соловья. Как-то, имея задачу проверить готовность обороны 3-го батальона ночью, капитан Жарук решил туда проехать, так как идти надо было около 10 километров. С наступлением

темноты он с Михайловым поехал в боевые порядки 3-й стрелковой дивизии, внезапно начался снегопад. Стало не видно, куда ехать, но, ориентируясь по ранее намеченному направлению, капитан Жарук приказал Михайлову ехать вперед.

А через некоторое время перед конём оказалось проволочное заграждение, и со стороны противника застрочил пулемет. Стало ясно, что они с Михайловым оказались на передней линии и, если бы не проволочное заграждение, то заехали бы к немцам.

Тихо, не говоря ни слова, Жарук взял у Алексея вожжи и осторожно повернул коня обратно. Затем, подогнав Соловья плетью, опрометью погнал назад.

Немцы, услышав шорох, открыли ружейно-пулемётный и миномётный огонь по месту шороха, полагая, очевидно, что наша сторона что-то готовит в их минных полях и заграждениях.

Вскоре Жарук оставил Михайлова в укрытии и прошел на КП 3-й стрелковой дивизии выполнять задание.

Письма из 151-й роты

В конце марта опять началась оттепель, и потянуло весной по-настоящему. 599-й стрелковый полк занимал прежний участок обороны, но добираться в боевые порядки подразделений стало сложнее. Вдулись ручьи, появились прогалины, заполненные водой.

Как-то Алексей Михайлов принес Жаруку целую связку писем, полученных из 151-й отдельной роты химзащиты в разное время и собранных в одну пачку.

– Вот, товарищ капитан, почитайте, что пишут из нашей роты.

Долго Жарук разбирал малограмотный солдатский слог, прочитал все письма, простые, искренние, и стало ясно, что капитан Кузьменков, оставшийся командиром отдельного химического батальона вместо Жарука, ведёт себя недостойно. Не следит за питанием солдат, за банно-прачечными днями, пьянствует и связался с женщинами. Солдатам не дают пайки. В каждом письме солдаты роты вспоминали капитана Жарука добрым словом и просили Алексея передавать привет.

Жарук задумался.

– Ну что, Алексей, решим судьбу Кузьменкова, как ты считаешь?

– С ним надо рассчитаться – подлец он! А как решим? Мне поехать туда и порешить его там, или как?

– Нет, это будет преступление, и нам не надо марать себя. Сделаем по-другому. Все эти письма упакуем и отправим в прокуратуру, или контрразведку 43-й Армии. Дела капитана Кузьменкова по этим письмам проверят и примут соответствующие меры. Как ты считаешь?

Михайлов долго молчал, сопел, затем как-то глухо пробормотал:

– Вы в это верите?

Жарук ответил утвердительно.

– Я не верю, капитан Кузьменков их там напоит, и всё останется как было. Лучше разрешите, я съезжу туда и утром вернусь. Всё будет в порядке.

– Нет, Алексей, этого я тебе не разрешу. Сделаем, как я сказал. Упакуй все письма в большой конверт, а я адресую, понял?

– Так точно, понял.

И Алексей пошёл в штаб полка на пункт сбора донесений добывать соответствующий конверт. На следующий день конверт был отправлен в прокуратуру 43-й Армии.

В этот же день в армейской газете «За Родину» капитан Жарук прочитал некролог о смерти начальника химвойск 43-й Армии полковника Маркова от болезни печени. Понятно, больная печень и пьянство несовместимы.

Это было для Жарука сенсационное сообщение, и он позвонил Гагаринскому.

Выслушав его, Юрий Владимирович резюмировал:

– Вам, капитан повезло: полковник Марков, уже теперь покойный, все собирался добратся до вас и проверить вашу службу в полку с пристрастием. Конечно, чтобы впоследствии сделать оргвыводы. Придаться всегда найдется к чему.

– Да, товарищ инженер-майор, потерю Маркова, я думаю, как-нибудь переживу.

– Я тоже так думаю, – ответил Юрий Владимирович. И добавил: – Завтра в Комарицах проведём совещание, приезжайте к 11:00.

На следующий день Жарук с Алексеем приехали первыми. В доме, отведенном для совещания, было натоплено и приготовлены места. Юрий Владимирович встретил Жарука на середине комнаты с радушием гостеприимного хозяина и доброй улыбкой...

Р. S. Из подписей к фотографиям в фотоальбоме А. П. Деревянчука:

«ДРУГ: Юрий Владимирович Гагаринский на фронте был моим начальником с 30.12.1942 г. Я сменил его на должности начальника химслужбы 599 сп 145 сд. Присмотревшись, понял, что Ю. В. незаурядный человек и что иметь такого руководителя – удача. Его отличал широкий диапазон мышления, честность, высокая требовательность к себе, работоспособность, доходившая порой до самоизнурения, скромность и бесстрашие в сложной боевой обстановке. Далеко не весь перечень замечательных качеств этого человека плюс доброе сердце дополняли его прекрасный облик. Наша взаимная симпатия росла с каждой встречей по службе и к концу 1943 г. мы стали друзьями.

Будучи высокообразованным, Юра никогда не показывал своего превосходства над другими, и в душе был гуманным и демократичным. Глубокий аналитический ум и железная логика часто обезоруживала самых оголтелых солдафонов с высокими погонами на плечах...

...После войны Юрий Владимирович пошел в науку и достиг высокого звания доктора химических наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР и должности директора академического института. Я рад был его успехам. Мы были друзьями 33 года. Он ушел из жизни в 1976 г. ... и я навсегда осиротел. «В истинной дружбе, – писал Лабрюйер, – таится прелесть, непостижимая заурядным людям».



Майор А. П. Деревянчук
и инженер-подполковник Ю. В. Гагаринский. 1945 г.

❧ ПРИЛОЖЕНИЕ ❧



Роль химической службы Советской армии в Великой Отечественной войне*

Член-корреспондент АН СССР, директор Института химии Юрий Владимирович Гагаринский с 9 августа 1941 по июнь 1946 года находился в рядах Советской армии. С марта 1942-го и до конца войны он принимал непосредственное участие в боевых операциях Калининского, Первого Прибалтийского, Третьего Белорусского фронтов.

Автор этих строк убежден, что большинство населения нашей страны не осведомлено в вопросе, вынесенном в заголовок данных заметок. Этому в значительной мере способствовало то досадное обстоятельство, что наши лучшие военные писатели, включая Константина Симонова, в своих произведениях не уделяли этому вопросу должного внимания. Лишь в некоторых случаях Симонов упоминает о том, что в трудных ситуациях командование использовало подразделения химзащиты в качестве стрелковых, и последние исполнили свой долг перед Родиной в этом качестве.

Пройдя химическую службу «снизу доверху», от начальника химслужбы стрелкового полка до заместителя начальника химвойск армии, автор взял на себя задачу поделиться своим опытом с читателями.

Хотя с момента победоносного окончания войны прошло уже 30 лет и химическая служба Советской армии, безусловно, претерпела значительные изменения, стала более мощной и совершенной, подробно излагать структуру тридцатилетней давности все равно не стоит, но хоть какие-то отправные данные привести нужно.



Ю. В. Гагаринский. 1975 г.

* Дальневосточный ученый, 7 мая 1975 г., № 19(71).



Ю. В. Гагаринский (в центре)
с сослуживцами.

*Германия, Померания,
г. Нойштеттин. Февраль 1945 г.*

Химической службой в частях и соединениях руководили специально назначенные офицеры. Начиная со стрелкового полка и выше, в распоряжении начальника химслужбы имелись подразделения химзащиты различного масштаба. В отношении собственно химзащиты в их задачи входило обеспечение всего личного состава части надлежащим образом подготовленных противогазов и противохимических пакетов для дегазации кожи и оружия, обучение правильному их использованию, противохимическая разведка в масштабе, достаточном для определения зараженности местности теми или иными отравляющими веществами, обеспечение своей части штатными или подручными средствами для дегазации местности, оружия, обмундирования и другие мероприятия из этой области.

В задачу стратегической химической разведки входило не упустить подготовку противника к применению против наших войск химического оружия, первым признаком чего могли казаться накопления на прифронтовых складах химических авиабомб, артиллерийских снарядов и мин, а также сосредоточение перед нашим фронтом минометных частей, вооруженных многоствольными минометами и другими реактивными установками. С данной задачей наша химслужба справлялась.

Противнику была известна высокая противохимическая готовность наших войск, что не позволяло ему развернуть тотальную химическую войну, и он ограничился эпизодической стрельбой по нашим войскам химическими снарядами только на отдельных немногочисленных участках фронта.

К сожалению, будучи временно безнаказанными, немцы широко применяли отравляющие вещества у себя в тылу для уничтожения пленных и гражданского населения в «душегубках».

В том, что противник вынужден был отказаться от развертывания химической войны против наших войск, первойшая и самая главная заслуга химической службы Советской армии.

Второй важной задачей, которую выполняла химическая служба, было обеспечение дымового прикрытия важнейших операций, проводимых войсками, и в первую очередь маскировка дымами переправ через мощные водные преграды. Автору этих строк довелось участвовать в организации прикрытия дымами переднего края вражеской обороны северо-западнее Витебска в начале Белорусской операции. При этом в районе Витебска было обнаружено и уничтожено шесть пехотных немецких дивизий группы армии «Центр». Дымовое прикрытие широко использовалось нашими войсками и при форсировании Днепра на различных участках.

Химическая служба в крупных войсковых соединениях имела и свои средства для уничтожения противника: подразделения фугасных и ранцевых огнеметов. Первые применялись для защиты от танков противника на наиболее танкодоступных направлениях; те и другие – при штурме городов-крепостей. В качестве примера можно указать, что такие подразделения проявили себя при штурме Кенигсберга, в частности при окончательном уничтожении противника, засевшего в дотах одного из фортов, гарнизон которого долго не хотел сдаваться.

Штурм Кенигсберга продолжался с 6 по 10 апреля последнего года войны и закончился полным взятием города нашими войсками. Гарнизон был уничтожен, и пленено свыше девяноста тысяч вражеских солдат и офицеров.

Огнеметы широко применялись и в боях за Сталинград.

Огнеметы использовались и при решении частных задач, например, при разведпоисках, когда включаемые в состав разведгрупп огнеметчики давали с близкого расстояния огневой залп, а наши автоматчики в это время вскакивали в траншею и вытаскивали кого-нибудь из ошеломленных огнем немцев. Это было изобретение конкретно нашей армии (154 сд)*.

* 154 сд – 154-я стрелковая дивизия.

Нельзя не отметить и то, что командование при массовом выходе из строя офицеров-оперативников охотно использовало для выполнения различных общевойсковых поручений офицеров химслужбы, которые, как правило, были организованными и хорошо подготовленными. К тому же многие работники химслужбы брали на себя в свободное от своей службы время обязанности снайперов, пулеметчиков, подрывников. Приведу два примера.

Начальник химслужбы саперного батальона 145 сд (Калининский фронт) Владимир Шибалов, погибший впоследствии при форсировании реки Березина, истребил из снайперской винтовки более шестидесяти солдат и офицеров противника.

Когда в феврале 1945 года в районе местечка Хееберг, 60 км западнее Кенигсберга, на одной из высоток сложилась сложная обстановка и немцы, напрягая последние силы, пытались овладеть этой высоткой, внутри которой было подземное четырехэтажное хранилище горюче-смазочных материалов (в тот момент мы об этом еще не знали), в расположенный на высоте памятник Бисмарку «Бисмарктурм» был заложен солидный заряд тола, соединенный с электрической подрывной машинкой, находящейся в ближайшей траншее. Подорвать башню было поручено старшему лейтенанту – начальнику химслужбы саперного батальона той дивизии, которая обороняла данную полосу в тот момент, когда на высоте сосредоточится наибольшее количество немцев.

Задание было выполнено, и вся высота была покрыта телами убитых немцев в количестве, превышающем роту.

Выполнивший эту операцию и оставшийся в живых начальник химслужбы был в тот же вечер на месте своего подвига награжден командующим армией орденом Красного Знамени. Высота осталась за нами, а горюче-смазочные материалы пошли на заправку наших танков и автомашин.

Такие случаи были далеко не единственными.

Из этих кратких заметок читатель может заключить, что химическая служба Советской армии в Великой Отечественной войне выполнила поставленные перед ней задачи и внесла свою лепту в дело уничтожения врага.

Ю. В. Гагаринский,
инженер-подполковник в отставке,
бывший заместитель начальника 43-й Армии





Неформальная биография*

В конференц-зале Института химии ДВО РАН на стене висит портрет первого директора нашего Института – Юрия Владимировича Гагаринского. Молодые люди, приходящие к нам, возможно, и не знают, кто это такой, что это был за человек. А был он личностью неординарной, образованным, интеллигентным человеком, любившим свое дело и людей. Поэтому и помнят его все, кто был у истоков Института.

Родился Юрий Владимирович 1 марта 1915 г. в селе Петровка Полтавской губернии в семье сельского врача. Он был пятым ребенком в семье, и его маме было уже 48 лет, когда он появился на свет. Вера Федоровна занималась воспитанием детей. Владимир Александрович имел практику в Петровке и окрестных селах и содержал всю большую семью. У них в доме всегда жило много родственников, и даже некоторое время жил первый муж Веры Федоровны.

После смерти отца (умер В. А. так, как чеховский герой доктор Дымов, от дифтерии) семья переехала в Москву, где уже жили старшие дети. После окончания школы Юрию пришлось два года работать, а потом он поступил на химический факультет Московского университета, пойдя по стопам своего брата Андрея, которого он очень любил. К сожалению, Андрей умер от менингита, не достигнув 30 лет. В его память Юрий Владимирович назвал своего старшего сына.

Учился Юрий Владимирович блестяще. Он очень увлекался английским языком, использовал радио и свое знакомство



Ю. В. Гагаринский

* Газета «Дальневосточный ученый», 7 марта 2005 г., № 4(1278).

с американским инженером, работавшим на одном из Московских заводов. Он был отличным переводчиком и свободно говорил на английском. В частности, он был одним из переводчиков вышедшей в 1956 г. книги «Актиниды», написанной группой американских авторов.

Юрий Владимирович получил диплом с отличием, его прочили в аспирантуру, но судьба в те суровые годы распорядилась иначе. Незадолго до окончания университета он в анкете написал о своем старшем брате Николае, которого он даже никогда не видел и который в годы гражданской войны был в Белой армии, а затем оказался в Болгарии, и о нем не было вообще ничего известно. Последствия были печальными. Юрия Владимировича исключили из комсомола, а вместо аспирантуры он получил распределение в сельскую школу в пос. Редкино Калининской области. Там он преподавал математику и физику, при этом смущал своей привлекательностью юных учениц.

В 1939 г. в Редкино родился его старший сын Андрей. Война разлучила Юрия Владимировича с его матерью, сын остался с его родными в эвакуации и вырос без матери. Мамой он звал свою двоюродную бабушку. Андрея Юрьевича Гагаринского, одного из заместителей директора Курчатковского научного центра, многие знают. Он доктор физико-математических наук, связан с атомной энергетикой, часто выступает на радио и телевидении.

На войну Юрий Владимирович ушел в июле 1941 года, когда уже работал сменным инженером на фабрике «Клинволокно». Ушел рядовым, а закончил войну в Кенигсберге подполковником – начальником химического отдела Армии, был награжден орденом и медалями.

После демобилизации в 1946 году пришел на работу в МГУ на кафедру термохимии. При этом он еще до войны добился восстановления в комсомоле, а в Армии вступил в партию. Таковы были традиции того времени. Он работал с известным термохимиком Михаилом Михайловичем Поповым, который очень его любил. Зарплата научного сотрудника не позволяла содержать довольно многочисленную семью, и тогда, по рекомендации Михаила Михайловича его взяли на работу в закрытый институт, знаменитую «девятку». Там же, на территории института, Юрию Владимировичу дали жилье, и, чтобы пройти к ним в дом, родственникам и гостям надо было заказывать пропуск.

В «девятке» и началась научная деятельность Юрия Владимировича. Он занимался вопросами химии и технологии урана, полония, трития и других радиоактивных элементов. Процесс безводного получения тетрафторида урана – промежуточного продукта для последующего синтеза гексафторида – был внедрен на комбинате в г. Глазово. Результаты изучения химии и создания технологии получения фторидов урана легли в основу его кандидатской и докторской диссертаций, а затем была написана совместно с Л. А. Хрипиным монография «Тетрафторид урана» (в Новосибирске).

В 1948 году Юрий Владимирович женился на сотруднице своей лаборатории, и в 1949-м у них родился сын, которого в честь деда назвали Владимиром. Он пошел по стопам деда и стал врачом, живет во Владивостоке, работает в Дальзаводской больнице.

В 1961 г. Юрий Владимирович переехал в г. Новосибирск, в Институте неорганической химии СО АН СССР, где руководил лабораторией химии урана и тория и продолжил исследования, связанные с ураном и влиянием радиоактивности на свойства химических соединений.

В 1966 году тогдашнее руководство Дальневосточного филиала СО АН СССР пригласило Юрия Владимировича возглавить Отдел химии с перспективой создания химического института. Этот период его жизни (его не стало в январе 1976 г.) был уже на глазах многих сотрудников, которые работали в Отделе или пришли в институт в первые годы его существования. В организацию института Юрий Владимирович вложил много сил и здоровья. Прежде всего, он понимал, что надо создать настоящий научный коллектив. Большинство наших кандидатов и докторов пришли с вузовской скамьи и выросли в институте.

Многие помнят, как Юрий Владимирович знакомился с каждым молодым специалистом, он хотел знать, чем они интересуются, что читают, как и где живут, как представляют свое место в науке. Для него каждый сотрудник был не только научной единицей, но и человеком, со своими радостями и горестями, достоинствами и недостатками. Наверное, поэтому его многие уважали и любили, и поэтому помнят до сих пор.

О научной деятельности Юрия Владимировича в дальневосточный период много говорилось и писалось. Он оставил нам в наследство химию фтора, которая является одной из основных тематик института до сих пор. Рентгеноструктурные



Ветераны Института химии в год 30-летия Института.

Слева направо стоят: Т. Ю. Бутенко, И. Г. Родзик, Т. А. Калачева, Н. С. Блищенко, академик РАН В. И. Сергиенко, Р. Л. Давидович, В. Я. Кавун, Л. А. Земнухова, Л. Г. Колзунова; сидят: А. А. Удовенко, О. Н. Ивлюшкина, Т. Ф. Антохина, Л. М. Волкова, С. А. Полищук, Р. С. Прищепо, Т. П. Яровая. 2011 г.

и ЯМР-исследования – это тоже его любимые детища. Нельзя забывать и об исследованиях, связанных с Океаном. Недаром после опубликования в марте 1973 года в газете «Правда» статьи «Океан глазами химиков» в институт хлынул поток писем со всего Союза с желанием приехать на Дальний Восток. Все это было, было!

Будучи директором, Юрий Владимирович активно занимался наукой, стал членом-корреспондентом АН СССР, был награжден Орденом Красного Знамени. Его работы и работы многих сотрудников получили международное признание.

Рано, очень рано ушел он из жизни. Но главное, наверное, это память о прекрасном Человеке и Ученом, чей портрет висит в зале нашего Института химии ДВО РАН.

*Светлана Антоновна Полищук,
старший научный сотрудник, кандидат химических наук*



ФОТОГАЛЕРЕЯ



1. Взвод курсантов Калининского военного училища.
А. П. Деревянчук – стоит во втором ряду пятый слева. 1939–1941 гг.



2. Управление 306 стрелковой Краснознаменной дивизии.
А. П. Деревянчук сидит первый справа. Фронт в районе Витебска.
Зима 1943 г.



3. Вручение орденов в Кремле. А. П. Деревянчук - сидит четвертый слева. В центре – председатель президиума Верховного совета СССР Н. А. Шверник.
20 мая 1945 г.



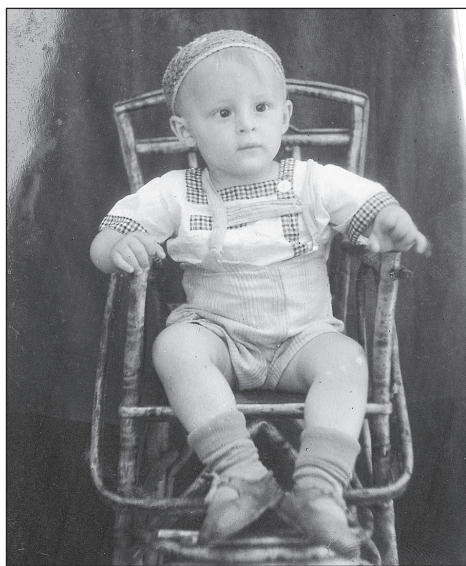
4. Слушатели Подготовительных курсов Военно-химической академии.
А. П. Деревянчук сидит второй слева
в первом ряду. Москва, 1945 г.



5. Подполковник
В. Е. Шевчук. 1945 г.



6,7. Преподаватель военно-химического дела 2-го
Орджонекидзевского военного училища майор А. П. Деревянчук.
Город Орджоникидзе, 1945-1946 гг.



8. Майор А. П. Деревянчук. 1947 г. 9. Толя Деревянчук. Род. в 1947 г.



10. Управление 46 сд. А. П. Деревянчук – четвертый слева
во втором ряду. Город Урюпинск, 10 января 1949 г.



11, 12. Встреча с другом детства В. Борейко (слева) в родном селе
Малая Терновка. Лето 1949 г.



13. Военные химики 117 сд 14 Армии на сборах. В центре –
начальник химвойск 14 Армии полковник М. Е. Миронычев.
Слева – начальник химслужбы 117 сд подполковник
А. П. Деревянчук. 1950 г.



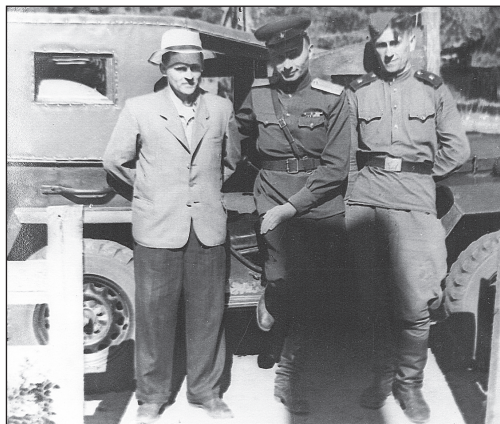
14. Подполковник
А. П. Деревянчук. 1951 г.



15. Подполковник
А. П. Деревянчук. 1954 г.



16, 17, 18. На Первомайской демонстрации.
А. П. Деревянчук – в центре.
Белоруссия, город Старые Дороги, 1956 г.



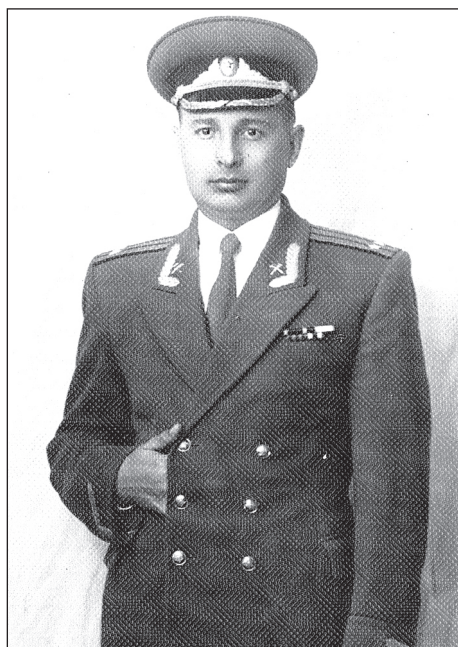
19-24. «Мы помним братство боевое как завещание святое на всю оставшуюся жизнь». Поездка с Ю. В. Гагаринским по местам боевой славы. Маршрут проходил из г. Старые дороги в Смоленскую область до оз. Сапшо. Водитель – П. О. Лосейчук. Фотографии Андрея Гагаринского, сына Ю. В. Гагаринского. 1956 г.



25. Слушатели Высших
армейских курсов (ВАК)
Академии химзащиты.
А. П. Деревянчук стоит
второй справа. Москва.
1957 г.



26. Слушатели ВАК
академии химзащиты
на отдыхе.
А. П. Деревянчук
на первом плане. 1957 г.



27. Подполковник
А. П. Деревянчук. Москва, 1957 г.



28. Подполковник В. Е. Шевчук.
Москва, 1957 г.

29. М. Н. Деревянчук с дочерью
Людмилой. 1958 г.



30. Сотрудники военной кафедры Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева, прибывшие на лагерный сбор с 700 студентами, и офицеры в/ч 68232 Белорусского военного округа. В центре генерал-лейтенант В. М. Дворцов, слева – подполковник А. П. Деревянчук.
Город Старые дороги, июнь 1958 г.



31. Перед приемом присяги студентами.

А. П. Деревянчук - слева.
Город Старые дороги, июнь 1958 г.



32. Командный состав в/ч 68232 при прохождении торжественного марша студентами после принятия присяги. Справа – командир в/ч 68232 подполковник А. П. Деревянчук. *Город Старые дороги, июнь 1958 г.*



33. Военные будни. Принятие присяги. Командир в/ч 68232 подполковник А. П. Деревянчук на втором плане.
Город Старые дороги, 1960 г.



34. Военные будни. Командир в/ч 68232 подполковник А. П. Деревянчук (справа) вручает награды за спортивные достижения.
Город Старые дороги. 1960 г.



35. Военные будни. Сдача инспекторской проверки начальнику химвойск Советской армии генерал-лейтенанту Н. С. Данилову (на трибуне в центре). Командир в/ч 68232 подполковник А. П. Деревянчук возглавляет колонну. *Город Старые дороги, 1960 г.*



36. Возложение венков в День Победы. Город Старые дороги, 1960 г.



37. Отцы и дети. Слева направо сидят А. П. Деревянчук, Людмила Деревянчук, Ю. В. Гагаринский; стоят Анатолий Деревянчук, Андрей Гагаринский. Новосибирск, 1968 г.



38. Друзья Ю. В. Гагаринский и А. П. Деревянчук. Москва, 1969 г.



39. Фронтовые друзья с родными. Слева направо сидят А. П. Деревянчук, И. А. Кабельков; стоят Виктор Кабельков, В. Кабелькова и Анатолий Деревянчук. Город Черновцы, 1975 г.



40. А. П. Деревянчук с дочерью Людмилой. Город Черновцы, 1980 г.



41. С фронтовым другом
подполковником в отставке
И. А. Кабельковым.
Город Черновцы, 1981 г.



42. А. П. Деревянчук. 1983 г.



43. Встреча друзей.
И. А. Кабельков (слева),
А. П. Деревянчук.
Город Черновцы, 9 мая 1988 г.



44. Прогулка в парке с внуками
Максимом и Александром.
Город Черновцы, 1988 г.



45. С внуком Максимом.
Город Черновцы. 9 мая 1990 г.



46. Людмила Александровна
Глухова. Севастополь, 2024 г.



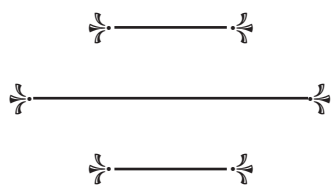
47. Супруги Глуховы, Анна Геннадьевна и Максим Викторович
с дочкой Полиной, правнучкой А. П. Деревянчука.
Севастополь. 2024 г.



48. Семья Александра Деревянчука (справа): сын Вадим (правнук А. П. Деревянчука), жена Елена. Севастополь, 2019 г.



49. Председатель Межрегиональной общественной организации «Сохранение историко-культурного наследия Крыма и Севастополя» С. И. Настюшкин (слева) и М. В. Глухов у Мемориала в честь героев второй обороны Севастополя. 2024 г.



Содержание

Предисловие	7
Александр Павлович Деревянчук (<i>биография</i>)	9
А. П. Деревянчук. Записки войскового химика	13
Первая встреча	13
Первый день в полку	25
Второй день в полку	33
Третий день в полку	45
Четвёртый день в полку	59
Командный пункт в Щебино	67
День рождения Жарука	73
Ни вашим, ни нашим	81
Свернув не туда	83
Письма из 151-й роты	84
Приложение	
Ю. В. Гагаринский. Роль химической службы Советской армии в Великой Отечественной войне	89
Неформальная биография (<i>Ю. В. Гагаринского</i>)	93
Фотогалерея	97

Массово-политическое издание

Александр Павлович ДЕРЕВЯНЧУК

Записки войскового химика

К 80-летию Великой Победы

Выпускающий редактор – С. И. Настюшкин

Составитель – Т. Ю. Бутенко

Редактор – Г. Ф. Низяева

Обложка – К. С. Кныш (<https://t.me/knyshksenya>)

Дизайн-макет, вёрстка – Ю. М. Орлова

**Архивные материалы подготовлены внуком А. П. Деревянчука –
М. В. Глуховым и Т. Ю. Бутенко (Институт химии ДВО РАН)**

Книга не предназначена для продажи

Подписано в печать 29.01.2025. Формат 70х100/16.

Физ. л. 7,25. Усл. печ. л. 9,4.

Тираж: 100 экз. Заказ № 4.

Отпечатано: 299011, г. Севастополь,
ул. Ленина, 28